

И.А. Быкова

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И
ПЕРЕВОД**

**Москва
Издательство Российского университета дружбы народов
2011**

У т в е р ж д е н о
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Быкова И. А.

Национально-культурная специфика языкового сознания и перевод.

Учебное пособие: теоретический курс для студентов, изучающих основы теории и практики перевода.

– М.: РУДН, 2011. - 90 с.

В данном пособии освещается ряд вопросов, связанных с центральными понятиями переводоведения такими, как эквивалентность, адекватность, переводимость, а также проблемы межкультурной коммуникации, национально-культурной специфики опосредованного межъязыкового общения.

Учебное пособие создано на основе курса по теории перевода, который читается на кафедре иностранных языков № 1 ИИЯ РУДН, и предназначено для студентов, изучающих основы теории и практики перевода по курсу обучения переводу в соответствии с программой «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Подготовлено на кафедре иностранных языков №1 ИИЯ РУДН.

© Быкова И.А., 2011.

© Российский университет дружбы народов, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Для современной науки о переводе характерно широкое понимание перевода как деятельности и уникальной разновидности межъязыкового и межкультурного посредничества, в рамках такого подхода предпринимаются попытки по-новому взглянуть на само понятие «перевод» и интерпретировать центральные понятия теории - «эквивалентность», «адекватность», «инвариант». Поиски единицы перевода, попытки решить переводческие задачи, связанные с языком, а именно, с передачей значений слов с разными объемами содержания, уникальных грамматических категорий, игры слов и т.п. не позволяют безоговорочно согласиться с известной максимой Дж. А. Касагранде «переводятся не языки, а культуры» (Casagrande, 1954), вместе с тем, существуют большие массивы знаний, которые не поддаются стандартной лингвистической обработке и выводят сферу переводческого процесса за пределы отношений между языками.

Исследование исключительной роли, которая принадлежит языку в осмыслении мира и в процессе общения людей, в значительной мере обуславливает интерес современного переводоведения к проблематике межкультурной коммуникации.

Выход за пределы собственно языкового аспекта при описании речевой деятельности стал особенно необходимым в случае обращения к деятельности использования языка в социально-общественном контексте, при изучении языка как выразителя определенной системы мировосприятия, определенной системы взглядов и ценностей [Е.С. Кубрякова, 2000,с. 11].

Проблемы взаимосвязи и взаимовлияния теории и практики перевода приобретают особое звучание под влиянием новых парадигм знания, главным образом, когнитивной и коммуникативной в связи с развитием антропоцентрического подхода, в основу которого поставлена необходимость изучения основных понятий с учетом влияния человеческого фактора. Взаимодействие и сближение культур, растущие международные связи в области науки, техники, возрастание роли информационных процессов в жизни современного общества остро ставят перед теорией перевода проблемы эффективности взаимопонимания при коммуникации в различных сферах функционирования языка, необходимость рассмотрения речевых произведений в совокупности языковых, социальных, прагматических, психологических и национально-культурных параметров. Названные проблемы в последнее время все более привлекают внимание исследователей, но вместе с тем остаются до сих пор недостаточно изученными.

Известно, что **перевод** является сложным и многогранным видом человеческой деятельности. **Теория перевода** формируется на стыке различных отраслей знания, является **междисциплинарной наукой**, использующей методы целого ряда научных дисциплин, поэтому в переводоведении могут выделяться различные **аспекты**: лингвистические, культурологические, когнитивные, психологические, литературные и др. Однако в силу целого ряда объективных и субъективных причин большинство работ, посвященных переводческой проблематике, имеет явную, в большей или меньшей степени выраженную лингвистическую

основу, поскольку именно лингвистические исследования внесли основной вклад в развитие науки о переводе.

Включение перевода в сферу интересов языкознания произошло относительно недавно. Несмотря на признание самого факта широкого распространения практики межъязыковой коммуникации, особенно переводческой деятельности, в большинстве фундаментальных работ по лингвистике отсутствовало даже упоминание о переводе как о возможном объекте лингвистического исследования. Отсутствие у многих языковедов интереса к переводческой проблематике в первой половине прошлого столетия обусловлено преобладанием в лингвистической науке идей структурализма, стремлением приблизить ее к «точным» наукам, обеспечить объективное описание языка. Структурная лингвистика не занималась исследованием семантических аспектов языка и не рассматривала структуру более крупных единиц, чем предложение. Внимание ученых было сосредоточено, главным образом, на описании различных языковых систем, изучении области «внутренней лингвистики» или иначе «**микрولينгвистики**»: звукового, морфемного и лексического состава языка, его синтаксического строя, синтагматических и парадигматических связей его единиц, их сочетаемости, частотности употребления и т.п. Т.о. в качестве максимальной единицы языка в исследованиях выступало предложение, в силу того, что более крупные (речевые) единицы – тексты - невозможно объективно анализировать без обращения к их семантической структуре. Несмотря на то, что в языкознании были достигнуты значительные успехи в изучении и научном анализе структурной организации многих языков, подобный микрولينгвистический подход не мог претендовать на

всестороннее описание переводческого процесса, раскрытие всей многогранности столь сложного вида человеческой деятельности.

Во второй половине XX века сфера лингвистических исследований была значительно расширена за счет широкого круга проблем, определяющих возможность использования языка как орудия мысли и средства речевой коммуникации. В центре внимания ученых оказались такие фундаментальные вопросы «внешней лингвистики» или «макролингвистики», как смысловая сторона языковых единиц и речевых произведений, связь языка с мышлением, реальной действительностью, обществом и его культурой, а также другими знаковыми системами; способы организации и передачи информации в современном человеческом обществе и т.д. Появились новые лингвистические дисциплины и области исследования: психоллингвистика, социоллингвистика, теория речевых актов, прагматическая лингвистика, лингвистика текста, когнитивная лингвистика и др.

Современное языкознание в решении многочисленных вопросов, связанных с языком и коммуникацией, реализует идеи и концепции когнитивного направления в науке. *Когнитивно-дискурсивная парадигма*, оформившаяся в конце XX, позволяет сформулировать новое видение явлений сознания, языка, коммуникации. В действительности речь идет не о механическом сложении возможностей нескольких наук или привлечении отдельных положений и результатов из той или иной науки в переводоведение и наоборот. Практически созданы условия для качественно нового уровня исследования, учитывающего единую когнитивную методологию изучения явлений когниции, дискурса и перевода, *выявления новых ракурсов понимания и объяснения различных аспектов речемыслительной деятельности.*

При таком макролингвистическом подходе, традиционно считавшимся нелингвистическим, возможности изучения основного механизма перевода, сущности этого феномена неизмеримо возросли. В распоряжении лингвистов появились методы исследования этого когнитивного процесса, связанного с реальным речепроизводством, методы изучения реальных процессов обмена информацией и функционирования языковых единиц в конкретных актах речи, в конкретных ситуациях общения с учетом цели и содержания общения, канала и кода коммуникации, факторов прагматической и коммуникативной эффективности речевого акта и т.д.

Именно нетрадиционные, находящиеся на стыке лингвистики и неязыковедческих областей знания междисциплинарные основы рассмотрения самой ипостаси коммуникативного процесса изменили облик современной науки о переводе. Они позволяют вести речь о новых подходах, которые расширяют наши представления о языке и речемыслительной деятельности человека, о когнитивной переработке и сортировке информации, которая способствует членению поступающей к человеку информации по определенным естественным формам ее языкового представления, еще раз указывая на необходимость многоуровневого понимания феномена «перевод».

Такой подход создал условия для теоретического осмысления современной переводческой деятельности, которая претерпела значительные изменения в результате так называемого информационного взрыва и в связи с этим небывалым увеличением масштабов переводческой практики, появлением новых видов перевода (синхронного и др.), а также ужесточением требований, предъявляемых к качеству переводов.

В двадцатом веке изменился характер переводческой деятельности: по объему и социальной значимости перевод текстов специального характера - информационных, экономических, юридических и многих других наук и предметных областей, стал приоритетным с точки зрения межъязыкового общения. Перевод подобного рода текстов (по терминологии В.Н. Комисарова информативных или прагматических) в отличие от перевода произведений художественной литературы требует, помимо прочего, основательных специальных знаний, широкой эрудиции или соответствующего образования переводчика.

Дальнейшее развитие научно-технического прогресса явилось дополнительным стимулом для развития теории перевода. Были предприняты попытки создать различные системы машинного перевода. При этом сам процесс перевода представлялся как декодирование текста на языке перевода, зашифрованного с помощью языка оригинала. Несмотря на то, что компьютеры успешно использовались при декодировании зашифрованных сообщений, стало ясно, что основные проблемы машинного перевода были связаны, в первую очередь, с невозможность на данном этапе (или неумением) создать полноценную программу, позволяющую эффективно преодолевать многочисленные трудности в процессе перевода, как это делает человек. Сложившаяся ситуация явилась еще одним подтверждением недостаточности наших знаний об основных формах репрезентации знаний в памяти и сознании человека, о самой сущности переводческого процесса, того факта, что этот вид человеческой деятельности нуждается в дальнейшем кропотливом изучении, что в конечном итоге позволит продвинуться вперед и в области передачи части переводческих функций компьютеру.

Основные определения перевода

В научной литературе существует целый ряд определений понятия «перевод», сформулированных различными авторами (Дж. Кэтфорд, Ю.Найда, Г. Егер, О. Каде, К. Райс и др.). Так, Например, крупный ученый, лингвист и теоретик перевода, один из основоположников отечественного лингвистического переводоведения **В.Н. Комиссаров** формулирует его следующим образом:

“Перевод- это сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом исследования разных наук. В рамках переводоведения изучаются психологические, литературоведческие, этнографические и другие стороны переводческой деятельности, а также история переводческой деятельности в той или иной стране или странах (1990)... Перевод - это взаимодействие не только двух языков, но и двух народов, двух разных культур, укладов жизни, традиций. Культурно-исторические особенности языковых коллективов определяют интерпретацию передаваемой информации. Они должны учитываться переводчиком, влиять на выбор варианта перевода. Изучение культурно-этнических аспектов перевода - одна из важнейших задач переводоведения” (1989).

По мнению другого теоретика отечественного переводоведения **А.Д. Швейцера** определение перевода должно отражать его многомерный и многофакторный характер. Перечислив языковые и внеязыковые детерминанты перевода, особо выделив важность учета культурных особенностей, предметных и коммуникативных ситуаций в оригинале и в переводе, а для художественного перевода ценность таких факторов, как

литературная традиция, национальный колорит и дистанция времени, он предлагает определять перевод как:

-однонаправленный и двухфазовый процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при которой на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде,

-процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями (Швейцер,1988).

Современная теория перевода исходит из того, что перевод – это особый вид опосредованной межкультурной коммуникации. Такое межъязыковое общение может осуществляться лишь при участии посредника (человека или компьютера), который способен воспринимать сообщение в письменной или устной форме на одном языке и воспроизводить его средствами другого языка. Следует особо отметить, что **перевод** отличается от *гетерогенного языкового посредничества* (реферирования, резюмирования, пересказа, составления аннотаций и т.п.).

В качестве основного **признака перевода** выступает его *предназначение* (или функция) служить полноправной заменой или репрезентантом исходного текста/сообщения *в другой языковой и культурной среде* (Комиссаров, 1990; Швейцер, 1988; Егер, 1986). Все другие виды посредничества *включают в себя элементы перевода*, однако степень их ориентированности на оригинал различна и зависит от характера создаваемого документа или поставленной перед переводчиком конкретной задачи. Для всех

этих видов, кроме перевода, характерна переработка содержания текста оригинала, его структурирование, компрессия и обобщение по определенным правилам.

Выполнить перевод означает создать репрезентант оригинала, при условии адекватного воспроизведения содержания и структуры исходного текста. Отождествление перевода с оригиналом не только функционально, но и содержательно и структурно (цитирование по переводу исходного текста, высказывание суждений о содержании оригинала, его языка и стиля) происходит независимо от реальной близости двух текстов, исходя из презумпции их идентичности. *Презумпция коммуникативной равнозначности возникает каждый раз, когда текст создается как перевод и используется в качестве такового.* В этой связи особое значение приобретает **телеологическое определение перевода** (гр. telos /teleos/ - наука о целях), которое сформулировал В.Н. Комиссаров: «Перевод – это вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноправной замены оригинала в качестве коммуникативно равноценного последнему» (2002, с. 53). Так, например, существует понятие «*аутентичный перевод*», которым принято обозначать перевод официального документа, имеющего одинаковую юридическую силу с оригиналом (согласно международному праву текст договора может быть выработан и принят на одном языке, но его аутентичность установлена на двух и более языках).

Эффективность опосредованной межъязыковой коммуникации предполагает значительную степень точности перевода. Коммуникативное приравнивание разноязычных текстов в процессе перевода непосредственно связано с центральными

понятиями теории перевода, а именно «эквивалентностью» и «адекватностью», о которых речь пойдет ниже.

Историческая эволюция взглядов на переводческую деятельность

На протяжении всей истории развития человеческой цивилизации переводы выполняли важные социальные функции, способствуя межъязыковому общению людей, взаимодействию и взаимообогащению языков и культур. Трудно представить существование огромных империй, распространение религиозных и социальных учений, торговлю между народами, международное сотрудничество без участия переводчиков. Во многом переводческая деятельность способствовала формированию и развитию языков, культур различных народов, стимулировала литературное творчество. Вместе с тем, многообразие языков в мире, масштабы переводческой практики не могли не оказывать влияние на осмысление проблем перевода в связи с преодолением языковых барьеров.

Переводческие проблемы принято считать извечными. Уже в первых высказываниях о целях, которые должен ставить перед собой переводчик, можно увидеть начало теоретических споров нашего времени о допустимости как «*буквального*», так и «*вольного*» перевода, о необходимости сохранения в переводе того же воздействия на читателя, которым обладает оригинал, и др. Эволюцию взглядов на перевод в кратком виде можно представить следующим образом.

Интерес к проблемам перевода возник еще в античном мире. Так, в Древнем Риме образцовым считался перевод, выполненный с учетом законов языка перевода и передающий своеобразие оригинала. Цицерон, занимавшийся переводом древнегреческих текстов на латинский язык, сформулировал принцип перевода, который сохраняет свою актуальность и для современных переводчиков. Он считал, что переводить следует не слова, а мысли, не букву, но смысл, в соответствии с условиями и духом своего времени.

Однако столь органичный и плодотворный подход к переводу отнюдь не являлся преобладающим в древние и средние века. Значительным тормозом для развития переводческой мысли и практики оказались переводы религиозных текстов, в частности, Библии, где любое отступление от оригинала (даже изменение предлога) могло повлечь обвинение в ереси. Переводчики, соответственно, отдавали предпочтение дословности или буквализму, что приводило к искажению смысла и стиля оригинала, нарушало нормы языка перевода, и, как следствие, не могло не создавать неясности, полной непонятности и даже мистификации текста перевода.

В эпоху Возрождения количество переводов значительно возросло в связи с развитием новых европейских языков, литератур и другого рода контактов между государствами. На этом этапе отчетливее стали осознаваться трудности перевода. В качестве протеста против дословного, буквального перевода, возникла обратная тенденция к вольному переводу. Переводчик считал себя не посредником, а скорее деятелем культуры, решающим свои собственные задачи, подчас непосредственно не связанные с переводимым оригиналом, в результате чего переводимое

произведение искажалось порой до неузнаваемости. Среди наиболее пострадавших от этой тенденции авторов был Шекспир, писавший на ранне-новоанглийском языке. Многие переводы его произведений, относящиеся к эпохе Возрождения, а также XIII и XIX векам, настолько искажали оригинал и его художественную ценность, что даже заставили усомниться в авторстве Шекспира. Отдельно следует упомянуть о так называемом «исправляющем переводе», получившем широкое распространение во Франции XVIII века, когда переводчики перестраивали, «улучшали» произведения переводимых авторов согласно требованиям «хорошего вкуса». Результатом противоборства столь противоположных тенденций явился спор о «переводимости», затянувшийся на многие века. В центре дискуссии находились переводы художественной литературы, тогда как остальные сферы переводческой деятельности оставались в тени и не привлекали внимание критиков.

Сомнения в ценности переводной литературы высказывали многие видные писатели и мыслители в самые различные эпохи, что привело к появлению так называемой *теории непереводимости*, в соответствии с которой перевод по сути оказывался невозможен. В то время как поэты, критики и филологи высказывали сомнения в возможности воспроизвести в переводе художественные особенности оригинала, его национальную специфику, литературные, исторические и культурно-бытовые ассоциации и другие тонкости, общеизвестная языковедам уникальность словарного состава и грамматического строя каждого языка позволяла утверждать, что полное тождество текстов оригинала и перевода в принципе невозможно, и, как следствие, невозможен и сам перевод.

Складывалась парадоксальная ситуация, когда многовековая практическая деятельность объявлялась теоретически невозможной и как бы несуществующей. Широкую известность в этой связи получило высказывание *Вильгельма Гумбольдта* (1767-1835), который сомневался в возможности передать в переводе художественную ценность оригинала. Он считал, что всякий переводчик сталкивается с неразрешимой задачей и оказывается между Сциллой и Харибдой: либо в ущерб традиционным пристрастиям и языку своего народа он слишком близко придерживается оригинала, либо, наоборот, приносит подлинник в жертву особенностям своего языка и национального вкуса. При этом благополучно миновать эти подводные камни просто невозможно. Несмотря на то, что знаменитый лингвист сам был переводчиком античной поэзии и занимался вопросами сопоставления различных языков, согласно его воззрениям возможен или буквальный или вольный перевод. Тем не менее, в предисловии к переводу «Агамемнона» Эсхила он убедительно показал пути преодоления многих, казалось бы, непреодолимых трудностей.

В современном языкознании появились так называемые неогумбольдтианские концепции о языке, которые постулируют идею о том, что каждый язык создает собственную картину мира, членит отражаемую в нем действительность только ему присущим способом. При этом язык как бы навязывает каждому следующему поколению именно такую картину мира, вынуждая его видеть окружающий мир сквозь концептуальную сетку данного языка. Отсюда следует вывод о том, что полное взаимопонимание между носителями разных культур, говорящими на разных языках, принципиально невозможно, поскольку языки создают непреодолимый барьер. В языкознании наиболее известна

концепция или *гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа*, которая исходит из предположения, что структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира, следовательно, культура одного народа специфична и непроницаема для другого, так как каждый из них обладает своими обычаями, ассоциациями, психологией, своим отношением к реальности. Речь идет не только о различиях в картинах мира, но и о том, что и сами миры оказываются разными из-за различий в мышлении.

Казалось бы, **спор о «переводимости»** должен был завести переводческую мысль в тупик. Но этого не случилось. Реальная жизнь опровергает утверждения об обособленности и принципиальной взаимной непроницаемости культур. Как уже отмечалось ранее, каждый язык создает своеобразную языковую картину мира, фактор который в некоторых случаях вызывает трудности при переводе. Действительно структура языка способна определять возможные пути построения сообщений, в силу того, что, как правило, употребление говорящим тех или иных форм организует определенным образом выражение мысли. Однако определяющим в данном случае является тот факт, что языковая форма высказывания не определяет точно и однозначно его содержание, которое выводится на основе интерпретации значений составляющих его единиц, а служит лишь исходной базой для понимания глобального смысла. Один и тот же смысл может быть выведен из разных языковых структур, и, наоборот, одна и та же структура может являться основой для формирования и понимания различных сообщений.

Языки обладают множеством универсальных свойств, как самых общих, так и более частных. Подобная универсальность

отражает единство человеческого мышления и окружающего мира, что в конечном итоге и определяет *возможность* перевода. Кроме того, различные культуры всегда оказывали и продолжают оказывать влияние друг на друга, а переводческая деятельность подразумевала не только взаимодействие двух языков, но и контакт между двумя культурами. Дальнейшее сближение культур, характерное для современного мира, находит отражение в определенной конвергенции языков, что, несомненно, облегчает преодоление различий в языковых картинах в процессе перевода. Поскольку картина мира создается познанием, а не языком (Колшанский, 1975, с. 182), факты чужой культуры не являются чем-то непостижимым или недоступным для описания и изучения. Широко известны различия в членении действительности в пределах даже одного и того же языка (многочисленные названия разновидностей снега у эскимосов или лапландцев и целый ряд его наименований у французских лыжников и т.п.), которые отнюдь не являются препятствием для одноязычной коммуникации. Равным образом они могут преодолеваются и в переводе.

Сопоставление различных языков показало, что разница между любыми двумя языками заключается не в их способности выражать те или иные значения (поскольку любой язык может выразить любое значение), а в том, какими средствами передаются значения в каждом конкретном языке. При этом отсутствие в системе одного языка тех или иных единиц или несовпадение средств выражения идентичных значений вовсе не является препятствием для перевода, равно как и узуальные различия, которые следует учитывать наравне с системными и нормативными различиями.

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа различных языков на уровнях системы, нормы и узуса сыграли значительную роль в развитии переводоведения и явились исходным пунктом в разработке типологии равнозначных межъязыковых преобразований, в силу того, что эти положения носят универсальный характер и применимы к любой комбинации языков. В качестве своего рода межъязыковых универсалий они находят свое конкретное преломление для каждой конкретной пары языков и в этом случае относятся к компетенции *частных теорий перевода*. Вместе с тем указанные универсальные положения не могли быть взяты в качестве основы для общей теории перевода, поскольку они ограничивались сферой сопоставления языковых значений и не учитывали взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов в формировании смысла текста.

Несмотря на чрезвычайную важность для теории и практики перевода проблемы отсутствия одно-однозначных соответствий между языковой формой и ее значением, проблемы несовпадения границ полисемии и синонимии в двух языках, которые свойственны для любой речевой деятельности, в том числе и двуязычной, ключевым является *вопрос о необходимости дифференцировать языковое значение и речевой смысл*, т.е. признание того факта, что языковые значения текста неоднозначно свидетельствуют о его смысле. Все эти и ряд других наблюдений и выводов привели к тому, что в центр внимания исследований в области теории перевода был поставлен *не язык*, как это делалось на протяжении существования всей многовековой истории науки о переводе и, по сути, явилось первопричиной дискуссии о «переводимости», а *речь* (дискурс).

Тесная взаимосвязь между лингвистикой и теорией перевода неоспорима. Вместе с тем, проблематика последней выходит за рамки традиционно понимаемой лингвистики, объектом изучения которой является язык на уровне системы, нормы и узуса.

Теория перевода имеет свой предмет и объект, несовпадающие в полном объеме ни с современной лингвистикой, ни другими дисциплинами лингвистического направления в языкознании, достижения которых привлекаются наукой о переводе в целях всестороннего изучения этого феномена как *особого вида речевой деятельности*.

Так, если бы весь комплекс переводческих проблем можно было бы свести к механической замене текста на одном языке текстом на другом языке, т.е. примитивному перекодированию на уровне значения единиц языка, то в таком случае вряд ли было бы возможно вести речь о теории перевода как о науке. При таком подходе для успешного осуществления перевода было бы достаточно владеть двумя языками или кодами, а также правилами перехода от одного кода к другому. Однако это не соответствует реальной практике. Общеизвестно, что правила «перекодирования» при переводе предполагают не только учет языковых значений, но и их взаимодействие с экстралингвистическими факторами.

Процесс двуязычного общения является речевой деятельностью для его участников, которую нельзя сводить к операциям анализа, перекодирования и синтеза, совершаемым переводчиком без учета речевой деятельности адресанта (автора оригинала) и адресата перевода. Как и любая другая осмысленная деятельность, она всегда имеет определенный мотив и цель, сложное взаимодействие которых порождает смысл высказывания/текста в понимании автора. Выбор формы, в которую

адресант облекает свою мысль, помимо прочих важных условий также зависит от указанных факторов. В речевой деятельности адресата, его понимании смысла текста также большую роль играют факторы экстралингвистического характера, такие как, например, фоновые знания о предмете речи, энциклопедические знания и т.п. *Иными словами, результаты деятельности переводчика подлежат оценке только во взаимосвязи и взаимозависимости с речевой деятельностью двух других участников акта коммуникации - автора оригинала и адресата перевода, поскольку в целом перевод является процессом восприятия и порождения речи.*

В этой связи следует особо выделить среди других моментов чисто переводческого характера таких, как *двуязычие, число участников акта коммуникации, распределение «ролей» между ними, контакт двух культур и т.п.* факт принципиального отличия перевода от акта одноязычной коммуникации.

Специфика перевода состоит в том, что при порождении высказывания на языке перевода, *переводчик реализует не свою собственную интенцию и цель коммуникации, а коммуникативное задание автора оригинала;* при этом он выражает не собственные мысли, как это происходит в процессе говорения, а чужие.

Итак, **объектом** переводческих исследований является весь комплекс вопросов, связанных с процессом перевода, который понимается как акт двуязычной коммуникации, включающий речевую деятельность всех его участников с момента создания текста автором оригинала до момента его понимания адресатом перевода.

Предметом теории перевода является раскрытие сущности процесса перевода и выявление его общих закономерностей. В этой части *теория перевода* является *универсальной* или *общей* для всех

видов деятельности (устный и письменный, синхронный и последовательный перевод), всех жанров переводимого текста (художественный, технический, информационный и т.д.), а также для любой комбинации языков.

Подобное понимание общей теории перевода постулируется в современной науке, исходя из признания следующих фактов:

«- общие закономерности процесса перевода носят универсальный характер, не зависят от конкретных формальных и функциональных соответствий, существующих между исходным и переводящим языками, вытекают из специфики **процесса перевода как особого вида речевой коммуникации** (иными словами, отправные точки теории перевода связаны с речевой деятельностью человека, т.е. коммуникативным уровнем, который предполагает выявление общих закономерностей взаимодействия лингвистических и экстралингвистических формантов смысла как в процессе порождения, так и восприятия текста в ИЯ и ПЯ);

- отношения между языком как системой знаков и речью как деятельностью человека, осуществляемой с помощью языка, также характеризуется своими универсальными закономерностями. Как следствие, в рамках общей теории перевода становится возможным решение таких фундаментальных проблем, как инвариант в переводе и адекватность, а также пути ее достижения на практике» (Комиссаров, 2005).

О современном состоянии переводоведения

Современная наука о переводе, как и любая научная дисциплина, обладающая собственным предметом, задачами и методами исследования, создавалась усилиями ученых многих стран. Следует отметить, что особый вклад в развитие переводоведения был сделан учеными тех государств, где переводческая деятельность приобрела широкий размах. Немалая заслуга в этой области принадлежит отечественной науке. Труды российских ученых в значительной степени способствовали становлению этой дисциплины, расширили область макролингвистики, показали важность всестороннего изучения феномена перевода для других разделов языкознания. Много ценных результатов получено лингвистами США, Великобритании, Франции, Германии и ряда других стран.

Характерной чертой **переводческой школы России** является широкий диапазон исследуемой проблематики. В центре внимания отечественных ученых находятся фундаментальные вопросы общей теории перевода, раскрывающие сущностные признаки межъязыковой коммуникации, ее лингвистические, психологические, когнитивные механизмы, вопросы частной теории перевода, в рамках которой изучаются специфические особенности переводческого процесса, «трудности перевода» для различных комбинаций языков и т.п., а также проблемы эквивалентности перевода, его стилистические и прагматические аспекты, анализ содержательной структуры текста и ее компонентов, выступающих в качестве доминантных элементов передаваемого смысла. Такой комплексный подход в исследованиях способствует выявлению общих черт, присущих переводу как особому типу языкового посредничества, включая специфические особенности каждого вида переводческой деятельности. Вместе с тем до сих пор остается

насущным вопросом о создании единой непротиворечивой теоретической концепции перевода.

В настоящее время в переводоведении существуют многочисленные модели перевода (термин употребляется как синоним термина « теория перевода»), которые возможно классифицировать по разным признакам. Так, в зависимости от критериев, выступающих в качестве основы функциональной тождественности текстов на ИЯ и ПЯ, различают *ситуативные* (Дж. Кэтфорд, В.Г. Гак), *динамические* или *функциональные* (Ю. Найда) и *коммуникативные* (О. Каде, З.Д. Львовская, Л.К. Латышев, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер) модели перевода.

Согласно другой классификации выделяются *одноаспектные* и *многоаспектные модели* (Латышев, 1978). В одноаспектных моделях перевода рассматривается какая-либо одна существенная черта переводческой деятельности. Объяснительная и обобщающая сила таких моделей ограничена, однако они применимы в определенных конкретных случаях и дают возможность описать некоторые частные закономерности деятельности переводчика. Многоаспектные модели представляют собой попытку всестороннего описания процесса перевода и выявления его общих закономерностей на основе единой концепции.

Подобная классификация не исключает возможности рассмотрения существующих моделей с других позиций, в зависимости от степени учета и интерпретации лингвистических и экстралингвистических факторов, характеризующих процесс перевода.

По этому принципу все модели перевода можно разделить на два типа: *языковые* и *коммуникативные* (Львовская, 1985).

Характерной особенностью *языковых моделей перевода* является исследование различных вопросов, связанных с теорией перевода, с точки зрения сопоставительного функционирования единиц ИЯ и ПЯ в речи и определенная недооценка или полное игнорирование экстралингвистических факторов, характеризующих речевую действительность. Такая ситуация в одних случаях объясняется причинами объективного характера (данные модели перевода были созданы в то время, когда смежные науки еще не располагали рядом важных данных), в других - причинами субъективного характера: авторы тех или иных моделей не стремились разработать цельную и законченную теорию перевода, а рассматривали разного рода переводческие трудности.

К языковым теориям перевода, в первую очередь, можно отнести *трансформационную модель* (*модель динамической /функциональной эквивалентности* (Nida E., Taber C., 1969), которая основывается на идеях трансформационной грамматики, претерпевших, как известно, значительные изменения в ходе развития языкознания и самой концепции авторов модели. Главной лингвистической предпосылкой трансформационной модели перевода явилась мысль о том, что в основе любого языка лежит ограниченное множество простейших синтаксических типов предложений - ядерных структур и что в различных языках наблюдается намного больше сходства в отношении простейших конструкций, чем в отношении сложных.

Так, автор одной из наиболее известных теоретических концепций этого типа, выдающийся американский лингвист Ю. Найда полагает, что перевод - это своего рода трансформация, в основе которой лежит понятие динамической эквивалентности.

Процесс перевода делится на три этапа: анализ, транспозицию и реконструкцию.

Ю. Найда считает, что перевод заключается в сведении синтаксических и семантических структур к наиболее простым, семантически наиболее очевидным и легко передаваемым формам. В синтаксисе в качестве таковых выделяются ядерные или околядерные формы в духе трансформационной грамматики Н. Хомского, который называет их «глубинными структурами» в противовес «поверхностным».

Помимо синтаксического, Ю. Найда включает в первый этап перевода и семантический анализ, который заключается в сведении значения лексических единиц к наборам семантических компонентов.

Второй этап - транспозиция - подразумевает переход от ядерных или околядерных структур ИЯ к параллельным ядерным или околядерным структурам ПЯ.

Третий этап - реконструкция - восстановление первоначального замысла высказывания, «развертывание» ядерных структур в производные с восстановлением логических связей между ними. Позднее Ю. Найда дал этим трем этапам переводческого процесса названия: «анализ», «перенос» и «переструктурирование».

На наш взгляд, эта модель применима в тех случаях, когда переводчик испытывает трудности в понимании значения предложения текста на ИЯ и/или в нахождении соответствий на ПЯ, а также располагает временем для осуществления необходимых трансформаций. Тем не менее, объяснительная сила и универсальность этой модели невелика, так как она ограничена уровнем языковых значений (особое внимание уделяется

описанию приемов анализа значений слова, процедуре разграничения значений многозначного слова методом семантических меток и т.д.). К недостаткам данной теоретической концепции следует отнести обязательность трудоемкой процедуры анализа - транспозиции - реконструкции для понимания значения предложения на ИЯ и нахождения его соответствия в ПЯ. Ю. Найда считает, что при осуществлении глубинного анализа переводчик исходит из смысла текста на ИЯ. Это дало ему возможность связать лингвистику с переводом, однако при передаче инварианта следует учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, которые могут и не иметь эксплицитного выражения в тексте. Вместе с тем, сделать подобные выводы авторы этой концепции еще не могли по объективным причинам: в 60 -х годах прошлого столетия проблема смысла высказывания не была в достаточной мере разработана в лингвистике.

Таким образом, данную модель можно рассматривать не как теорию, претендующую на универсальность, а как концепцию по отдельным аспектам перевода. Особо следует отметить, что авторы трансформационной модели оказали огромное влияние на развитие лингвистической теории перевода и предвосхитили развитие многих разделов современного переводоведения, особенно исследования в области семантики и прагматики перевода.

Теория закономерных соответствий Я.И. Рецкера (1974), положившая начало становлению лингвистической теории перевода в России, основана на чисто лингвистических принципах сопоставления двух языков. Эта теория устанавливает определенные типы соответствий между любой комбинацией языков в области лексики, фразеологии, синтаксиса и стиля. По

мнению автора, эти соответствия и должны составлять лингвистическую основу теории перевода (1974, 9).

По Я. И. Рецкеру, в процессе перевода выстраиваются «три категории соответствий: 1) эквиваленты, установившиеся в силу тождества означаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов; 2) вариантные и контекстуальные соответствия и 3) все виды переводческих трансформаций. Между первой - эквивалентной категорией и двумя остальными есть принципиальное различие. Эквивалентные соответствия относятся к сфере языка, тогда как две последние - к сфере речи» (1974, 9).

Эта модель сыграла важную роль в развитии переводоведения. Однако ее основным недостатком является ориентированность на установление эквивалентности главным образом между не зависящими от контекста отдельными лексическими единицами, морфологическими категориями и синтаксическими конструкциями.

Теория закономерных соответствий основана на сравнительно-сопоставительном изучении языков, обобщает накопленный переводческой практикой богатейший лингвистический материал и закладывает основы для разработки частных теорий перевода с английского и французского языков на русский. Вместе с тем, поиски соответствий на уровне любых единиц языка в большей степени относятся к технике, чем к теории перевода и не способны объяснить его общих закономерностей.

Ценность *семантической модели* для общей теории перевода достаточно велика, так как именно эта теоретическая концепция обосновала идею функционального, а не формального характера соответствий при переводе.

Любая семантическая модель перевода предполагает анализ структуры содержания оригинала и перевода, а также умение выделять в нем какие-либо элементарные компоненты. В связи с этим в ранних работах по лингвистическому переводоведению (таких, как Гак В.Г. и Розенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков, 1965; Инвариантные синтаксические значения и структуры предложения, 1969 и др.) наблюдается упрощенное членение необходимого для передачи при переводе содержания оригинала, в котором выделялось «смысловое содержание» и «экспрессивно-стилистические особенности». Дальнейшее развитие лингвистических исследований плана содержания сделало возможным делать более подробное описание элементов смысла в оригинале и переводе. Содержание (значение) любой единицы языка рассматривается как набор более элементарных смыслов – сем. Выделение отдельных сем производится путем определения дифференциального признака, по которому содержание данной единицы противопоставляется близкой по значению другой единице данного языка. Каждый язык имеет свои дифференциальные признаки для тех или иных языковых единиц, которые могут совпадать или не совпадать в двух языках.

В соответствии с семантической моделью анализ и синтез высказывания при переводе осуществляется следующим образом: текст ИЯ анализируется с точки зрения набора релевантных сем, т.е. в нем выделяются глубинные элементарные смыслы. При возникновении затруднения в понимании или нахождении соответствия в ПЯ, осуществляется компонентный анализ значения высказывания с помощью перефразирования (разложение на элементарные смыслы). Затем все релевантные семы передаются в

процессе синтеза высказывания на ПЯ с соблюдением норм ПЯ. Остальные семы, потенциально присущие слову, но не реализующиеся в данном высказывании, могут быть утеряны (Гак, 1977, 27).

Ограниченность объяснительной силы данной модели обусловлена, в первую очередь тем, что она не дает ответа на вопрос, из каких соображений должен исходить переводчик при определении релевантности тех или иных значений в каждом конкретном случае, и достаточно ли одного содержания текста для того, чтобы определить релевантность языковых значений или необходимо учитывать и другие факторы экстралингвистического характера, такие как несовпадение объема фоновых или энциклопедических знаний у адресанта и адресата, коммуникативно-прагматических норм ИЯ и ПЯ, установки на адресата и др.

Основой *ситуативной модели перевода* является установление отношений эквивалентности между текстами ИЯ и ПЯ к тем же самым элементам ситуации. Известный французский языковед, исследователь перевода Ж. Мунен считает, что общей мерой при переводе с любого языка на любой другой, единственно надежной и представляющей единственный инвариант, является ситуация, к которой относится сообщение на языке источника и сообщение на языке перевода (1963, 263). Иначе говоря, смысловая эквивалентность не всегда предполагает инвариантность языковых значений. Она может быть достигнута при помощи изменения тех или иных семантических компонентов текста на ИЯ опущения некоторых значений или добавления новых.

В зависимости от понимания термина «ситуация» различают две разновидности данной модели: 1) формально-ситуативную

модель английского лингвиста Дж. Кэтфорда и 2) денотативно-ситуативную модель выдающегося отечественного ученого-языковеда В.Г. Гака.

Формально-ситуативная модель рассматривает «ситуацию» как набор формальных лингвистических признаков, формирующих сетку отношений стоящих за ними универсальных семантических множителей. Отсюда следует, что единицы языка вступают в два рода отношений: формальные (на уровне языка) и контекстуальные (на уровне текста). Ни формальные, ни контекстуальные значения не могут быть переданы из одного языка в другой, поскольку формальные отношения являются отношениями элементов структур, зависящих от отношений между всеми элементами системы. Таким образом, при переводе происходит «не передача значения с ИЯ на ПЯ, а замена значений ИЯ на значения ПЯ (Catford J.). Отсюда по Дж. Кэтфорду следует, что задача перевода должна заключаться в выборе эквивалентов ПЯ, не обязательно имеющих то же самое значение, что и исходные единицы ИЯ, а таких, которые максимально совпадают с ними по употреблению в каком-то диапазоне ситуаций». (1967, 49).

Денотативно-ситуативная модель В.Г. Гака анализирует не ситуацию общения, а предметную ситуацию как совокупность отношений реальных денотатов, являющихся предметом высказывания (предметная ситуация). При этом выделяется понятие «ситуационный инвариант», определяемый как одинаковая предметно-ситуационная соотнесенность двух высказываний (1977, 61). Сохранение этого инварианта и обеспечивает, по мнению автора, эквивалентность перевода, поскольку два других вида инварианта - структурный и смысловой - имеют ограничения и не могут во всех случаях определить тождества подлинника и

перевода. Ситуационный же инвариант допускает не только структурные, но и смысловые различия двух средств выражений (1977, 61).

Ситуативная модель исходит из того, что 1) одна и та же предметная ситуация может передаваться при помощи набора разных элементарных смыслов, поскольку обозначаемые предметы характеризуются множеством признаков и связаны множеством отношений; 2) разные лингвокультурные общности могут иметь различия в квалификации одних и тех же предметных ситуаций (например, несовпадение ИЯ и ПЯ на уровне узуса, т.е. норм речи и т.д.). Данная разновидность ситуативной модели может использоваться при передаче идиом, пословиц и поговорок, поскольку образное мышление разных народов, как правило, не совпадает, в особенности, если речь идет о странах, культура и обычаи которых весьма далеки друг от друга.

Ситуативная модель перевода дополняет семантическую. В рамках этих двух теоретических концепций находят объяснение почти все переводческие трансформации. Однако ни одна из рассмотренных до сих пор моделей не дает возможность описать с большей или меньшей степенью достоверности общие закономерности перевода и не обладает универсальным характером, поскольку концентрирует внимание на вопросах, связанных в той или иной степени с набором переводческих приемов.

Исследование языка в его коммуникативных параметрах, представляющее собой исчерпывающее описание всех интра- и экстралингвистических факторов, определяющих языковую коммуникацию, нашло отражение в *коммуникативных моделях перевода*.

Первым шагом на пути исследований, рассматривающих перевод как коммуникативный процесс, является *динамическая модель* А.Д. Швейцера, одного из ведущих отечественных специалистов в области социалингвистики и лингвистического переводоведения, который развивает идею об инвариантности в переводе «функционального содержания исходного сообщения», что определяется в конечном счете коммуникативной установкой автора оригинала.

Эта идея предполагает функциональную или динамическую эквивалентность текста на ИЯ и ПЯ, которая устанавливается не на формальном соответствии текстов, а на основе реакции иноязычного получателя, иначе говоря, эта реакция должна соответствовать во всех существенных чертах реакции получателя сообщения на исходном языке, т.е. соответствовать коммуникативной установке отправителя. По мнению автора, адекватным можно считать такой перевод, который отражает коммуникативную установку отправителя (1973, 75).

Динамический характер теории состоит, в частности, в том, что инвариант перевода - это не раз и навсегда заданное понятие, иными словами, предполагает оптимальный результат учета сложного взаимодействия семантического и прагматического компонентов сообщения, т.е. всех характеристик речевой ситуации, в том числе и «личности» получателя. В некоторых случаях понятие «динамической эквивалентности» заключается в том, что прагматически адекватный текст совсем не обязательно характеризуется высшей степенью семантической точности. Модель динамической эквивалентности перевода включает также учет структурных, семантических и функционально-стилистических ограничений (например, жанрово-стилистические характеристики

текста на ИЯ; частотность употребления той или иной единицы ПЯ в рамках соответствующего стиля и др.), сужающих выбор и детерминирующих переводческие преобразования.

Вместе с тем, следует отметить недостаточную разработанность вопросов, связанных с разграничением и взаимодействием таких понятий как контекст и текст, предметная и речевая ситуация и др. Однако эту модель следует рассматривать как первый и самый решительный шаг на пути создания коммуникативной теории перевода.

Теоретические исследования в области коммуникативных концепций перевода нашли отражение в работах Лейпцигской школы, занимавшей на протяжении нескольких десятилетий XX века ведущее место в Западной Европе по масштабам и значимости теоретических исследований в сфере переводоведения.

Теоретические концепции Лейпцигской школы разрабатывались в тесном сотрудничестве с отечественными переводоведами и во многом созвучны их трудам.

Исследователи Лейпцигской школы с самого начала стремились расширить изучение переводческой деятельности, рассматривая перевод как важнейшую часть межъязыковой коммуникации с учетом всех ее участников и всех факторов лингвистического и экстралингвистического порядка. В широком диапазоне направлений и объектов исследования большое внимание уделялось, среди прочих, таким общетеоретическим проблемам, как обоснование теоретических основ переводоведения, изучению социальной роли перевода, его прагматических функций и т.д.

Важнейшим преимуществом коммуникативной модели эквивалентности, разработанной учеными этой школы, было включение такой прагматической категории как коммуникативный

эффект на основе функционального анализа текста и определение коммуникативной значимости его элементов. Понятие коммуникативной эквивалентности было впервые введено в теорию перевода Г. Егером как отношение между текстом ИЯ и ПЯ, которое возникает в тех случаях, когда при переходе от оригинала к конечному тексту сохраняется или остается инвариантной изначальная коммуникативная ценность текста (Jager G., 1975, 87), иными словами, способность вызывать одинаковый коммуникативный эффект, под которым понимается передача адресату определенного содержания.

Коммуникативная модель О. Каде рассматривает перевод как процесс перехода от сообщения на одном языковом коде к сообщению на другом коде, который осуществляется в соответствии с определенными правилами. В процессе перевода выделяются три компонента: 1) получатель сообщения на ИЯ; 2) устройство перекодирования для замены кода ИЯ на код ПЯ при условии сохранения инварианта перевода; 3) отправитель сообщения на ПЯ. Важно отметить, что инвариантом, который должен быть сохранен на выходе, является коммуникативная значимость оригинала.

Схема перевода по О. Каде имеет следующий вид: Текст ИЯ – обработка этого текста на семантико-функциональной основе (иными словами, функциональный анализ с целью определения коммуникативной значимости элементов) - смена кодов по эмпирически установленным правилам - создание транслята на основе знания нормы ПЯ - передача транслята.

К преимуществам этой теоретической концепции следует отнести определение коммуникативной значимости элементов Т ия (на исходном языке), а также учет перцептивных возможностей отправителя и получателя сообщения. Эта модель объясняет

достижение эквивалентности при замене элементов содержания исходного текста (ИТ) вплоть до полной его замены. Такой подход значительно расширяет понятие переводческой эквивалентности, охватывает широкий спектр реальных условий, в которых протекает деятельность переводчика.

Многие теоретические положения О. Каде получили широкое признание и составляют неотъемлемую часть понятийного аппарата современного лингвистического переводоведения. В качестве недостатков коммуникативной модели можно отметить отсутствие четкой иерархии элементов содержания и деление тем самым содержания на инвариант и все остальное, что явно недостаточно и нуждается в последующем уточнении.

Теория уровней эквивалентности В.Н. Комисарова, одного из создателей отечественной школы переводоведения, чей вклад в создание лингвистической теории перевода трудно переоценить, основана на идее о «многослойности» содержательной структуры текста, в соответствии с которой возможно выделение пяти уровней: 1) уровень языковых знаков; 2) уровень высказывания; 3) уровень сообщения; 4) уровень описания ситуации; 5) уровень цели коммуникации.

Автор теории исходит из того, что отношения эквивалентности возможно установить между аналогичными уровнями содержания текстов на ИЯ и ПЯ. Обязательной для всех видов перевода признается лишь максимальная эквивалентность цели коммуникации (1980, 1990, 1999-2000 и др.).

Эквивалентность текстов, достигаемая на остальных четырех уровнях, понимается как чисто лингвистическая, иными словами, уровень языковых знаков предполагает возможность передачи всех элементарных значений слова (категориальных, статических,

эмоциональных); уровень «высказывания» означает эквивалентность при переводе значений морфологической и синтаксической структуры предложения, порядок следования элементов; уровни «сообщения» и «описания ситуации» предполагают, по существу, достижение эквивалентности в денотативном и сигнификативном значениях текстов оригинала и перевода. Не вычлняя прагматического уровня эквивалентности, В.Н. Комиссаров указывает на необходимость осуществления прагматической трансформации перевода для обеспечения равенства коммуникативного эффекта в оригинале и переводе (1980, 101).

Таким образом, эквивалентность содержания двух текстов на разных уровнях не является достаточным основанием для суждения об их адекватности, поэтому автор вводит отдельное понятие «ценности» перевода, которое приравнивается к адекватности (1980,158).

К достоинствам теории уровней эквивалентности следует отнести всесторонний анализ лингвистической проблематики перевода, а к недостаткам - размежевание вопросов переводческой эквивалентности и адекватности, которая по существу сводится к разведению лингвистического и экстралингвистического аспектов перевода.

Современная теория перевода диктует необходимость рассматривать перевод как процесс и результат достижения адекватности передачи мысли, выраженной в языке оригинала, который требует участия и таких факторов, которые выходят за чисто языковые, т.е.действительно коммуникативных факторов, определяющих фон, на котором оцениваются переводческие соответствия (Колшанский, 1984, 167).

В своей *коммуникативно-функциональной концепции* перевода отечественный ученый-германист Л.К. Латышев основное внимание уделяет разработке теоретической концепции переводческой эквивалентности как одного из центральных разделов теории перевода и одного из важнейших разделов языкознания.

Л.К. Латышев исходит из представления о переводе как об общественно-детерминированном явлении. В рамках этого положения он рассматривает целый ряд проблем переводоведения: проблему определения перевода, проблему переводимости, проблему переводческой эквивалентности, проблему допустимых в переводе преобразований и некоторые другие, а также формулирует ряд новых положений о переводе - об общественном предназначении перевода, о переводе как чисто лингвоэтнической ретрансляции, о принципе преодоления лингвоэтнического барьера, разделяющего разноязычных коммуникантов и др.

По мнению Л.К. Латышева, эквивалентность ИТ и ПТ достигается при соблюдении трех условий: 1) ИТ и ПТ должны быть коммуникативно-функционально равноценны (эквивалентность функций); 2) ПТ должен быть в максимально возможной мере текстуальным аналогом ИТ; 3) ПТ не должен содержать отклонений от ИТ, выходящих за рамки трансформаций, допустимых в переводе (1988).

Л.К. Латышев считает, что основной сущностной чертой перевода, определяющей все его остальные черты и конкретные проявления в конкретных условиях, является его общественное предназначение: максимально (в данных лингвистических и экстралингвистических условиях) приблизить двуязычную коммуникацию с переводом к естественной одноязычной

коммуникации как в части выполняемых коммуникативных функций, так и с точки зрения средств их осуществления. Это означает, что по своим основным параметрам, в том числе и по чистоте передачи сообщения, двуязычная коммуникация должна быть сравнима с одноязычной, хотя практически никогда не может сравниться с ней полностью. Такой подход позволяет убедительно раскрыть основные задачи, возможности и ограничения перевода.

Общественное предназначение перевода является его главным классификационным признаком, отличающим его от других видов языкового посредничества: реферирования, пересказа, которые можно назвать (вслед за О. Каде) «адаптивным переложением». Это положение тесно связано с проблемой ограничения произвола переводчика, т. е. определения границы переводческих преобразований или выхода за рамки собственно перевода и осуществления адаптивного переложения.

К недостаткам данной модели, требующим дополнительной доработки, следует отнести третье требование к переводческой эквивалентности – не выходить за пределы допустимой меры переводческих преобразований. Определение такой меры представляется достаточно проблематичным. Недостаточно убедительным выглядит также отождествление понятий «эквивалент» и «эквивалентный перевод», что не может не снижать эвристическую значимость этой модели перевода.

Достоинством данной концепции является то, что с позиций современного переводоведения предпринята попытка разработать единую систему научных положений о переводе, а затем на ее основании осуществить всесторонний анализ переводческой эквивалентности как центральной проблемы теории перевода.

Попытка найти подход к решению некоторых из вышеперечисленных проблем в рамках коммуникативно-функциональной теории, рассматривающей перевод как частный случай речемыслительной деятельности, была предпринята З.Д. Львовской (1985) на материале испанско-русской комбинации языков.

Новизна *коммуникативно-функциональной концепции теории перевода* З.Д. Львовской заключается в последовательном распространении коммуникативно-функционального подхода на перевод, что не может не оказывать существенного влияния на трактовку понятий смысловой структуры текста, инвариантности, адекватности, требований к переводческим трансформациям и др. Автор не ограничивает себя собственно лингвистическими рамками, а привлекает к анализу новейшие данные психолингвистики; рассматривая механизм общения, включает в сферу исследования речевую ситуацию в целом, выявляя всю совокупность ее компонентов и их роль в порождении и понимании текста..

Центральной проблемой при таком подходе оказывается разграничение и взаимное соотнесение языкового значения и речевого смысла, проведенное как дальнейшее развитие разграничения понятий языка и речи и соответствующих основных единиц коммуникативного уровня - предложения и высказывания.

Процесс перевода рассматривается как частный и усложненный случай акта коммуникации, вид речевой деятельности - двуязычной коммуникации, осуществляемой при участии языкового посредника.

В переводе передается именно смысл речевого произведения, который не сводится к значениям образующих его языковых единиц, является реализацией коммуникативной интенции автора текста,

формирующееся под воздействием ряда экстралингвистических факторов. Цепочка многократного перекодирования информации, составляющей основу процесса двуязычной коммуникации, в которой центральное или «ключевое» положение занимает переводчик, представлена следующим образом: смысл- значение - смысл- значение- смысл.

Компонентами смысловой структуры текста являются прагматическая и семантическая структуры текста. Первая может быть представлена как иерархическая линейная последовательность коммуникативных заданий, подчиненных главному коммуникативному замыслу автора и логике развертывания текста. Вторая представляет собой предметно-понятийное языковое содержание текста и в то же время языковую форму реализации коммуникативного замысла. Однако семантическая субструктура имеет как бы вторичный, подчиненный характер по отношению к прагматической, поскольку именно прагматическая субструктура остается неизменной или инвариантной при переводе.

В качестве основы коммуникативной равнозначности текстов выступает их смысловая эквивалентность, предполагающая, в первую очередь, инвариантность их прагматических структур. Коммуникативно-функциональная равнозначность текстов на ИЯ и ПЯ рассматривается как основной оперативный принцип процесса перевода и, соответственно, выступает в качестве главного критерия адекватности перевода оригиналу. Общим условием эквивалентности преобразований при переводе является их соответствие речевым нормам и узусу на ПЯ.

Семиотическая модель уровней эквивалентности одного из ведущих отечественных специалистов в области социолингвистики, плодотворно занимавшегося исследованием важнейших проблем

теории перевода А.Д. Швейцера, основана на трех измерениях семиозиса (знакового процесса): синтактике, семантике и прагматике, в соответствии с которыми выделяются синтаксическая, семантическая и прагматическая эквивалентность (1988, с. 83-84).

На *синтаксическом уровне* происходит субституция одних знаков другими с сохранением синтаксического инварианта.

Уровень семантической эквивалентности включает два подуровня – компонентный и референциальный. При компонентной эквивалентности в переводе смысловая эквивалентность обеспечивается на основе сохранения набора сем оригинала при расхождении в инвентаре формально-структурных средств выражения. На референциальном подуровне сочетания разных семантических компонентов приравниваются друг к другу. Этот уровень заложен в основу «ситуативной» эквивалентности и предполагает сохранение инвариантного референциального смысла различных высказываний. Если на подуровне компонентной эквивалентности перевод осуществляется в основном путем грамматических трансформаций, то подуровень референциальной эквивалентности соотносится с более сложными лексико-грамматическими преобразованиями, например такими, как метонимические и метафорические сдвиги.

Прагматический уровень занимает высшее место в иерархии уровней эквивалентности. Он охватывает такие важные для двуязычной опосредованной коммуникации факторы, как коммуникативную интенцию, коммуникативный эффект, установку на адресата. По мнению А.Д. Швейцера, прагматическому уровню соответствуют различного рода трансформации, не сводимые к единой модели (например, опущения, добавления или полное изменение структуры фразы).

Эквивалентность на любом из уровней предполагает эквивалентность на всех более высоких уровнях. Вслед за Бархударовым А.Д. Швейцер предпринимает попытку связать с иерархией уровней эквивалентностей понятия буквального и вольного перевода, определяя первый как перевод на более низком уровне, чем необходимо, а второй – как перевод на неоправданно высоком уровне.

А.Д. Швейцер выдвигает гипотезу, в соответствии с которой процесс выбора варианта перевода представляет собой постепенное восхождение от низших уровней к высшим, в ходе которого переводчик может отказаться от эквивалентности на более низком уровне в целях достижения эквивалентности на более высоком уровне.

При рассмотрении проблем эквивалентности, адекватности и переводимости автор дополняет семиотическую типологию уровней эквивалентности функциональной типологией, опирающейся на известную классификацию языковых функций Р. Якобсона. Соответственно такой подход приводит к порождению эквивалентности экспрессивной, референтной, конативной, фатической, металингвистической и поэтической. Установление доминантной функции определяется прагматикой текста.

В целом, концепция эквивалентности А.Д. Швейцера совпадает со многими положениями, высказанными ранее другими авторами. Следует заметить, что развивая и переформулируя эти положения, автор не сумел избежать известного терминологического парадокса. Так согласно его схеме высшему уровню эквивалентности соответствует тот, в котором близость перевода к оригиналу является наименьшей. В то время как любой другой уровень предполагает одновременно эквивалентность на

более чем двух уровнях, высший (прагматический) уровень может существовать изолированно. Отсутствие эквивалентности на низших уровнях автор предлагает именовать «частичной» эквивалентностью в отличие от «полной эквивалентности» на прагматическом и семантическом уровнях (при этом синтаксический уровень не считается обязательным).

Определенная непоследовательность прослеживается в решении вопроса о соотношении понятий эквивалентности и адекватности перевода. С одной стороны, А.Д. Швейцер разделяет точку зрения западногерманских переводоведов К. Райс и Г. Фермеера, согласно которой эквивалентность относится к переводу как результату, в то время как адекватность – к самому процессу перевода. С другой стороны, он утверждает, что обе категории имеют оценочно-нормативный характер. При этом отмечается, что эквивалентность - это максимальное требование, предъявляемое к переводу, а адекватность означает, что перевод должен оптимально соответствовать определенным задачам. Таким образом, перевод может быть признан адекватным даже при условии, что конечный текст эквивалентен оригиналу лишь на одном из семиотических уровней или в одном из функциональных измерений. При таком подходе понятие эквивалентности утрачивает нормативный характер, а адекватность выступает как мерило оценки качества выполненного перевода, то есть его результат, только не по отношению к оригиналу, а к задаче акта опосредованной коммуникации.

В рамках данной концепции рассматриваются переводческие преобразования, связанные с семантическими и прагматическими аспектами перевода. К семантическим автор относит трансформации, обеспечивающие компонентную эквивалентность

(считающиеся обычно грамматическими) и трансформации на референциальном подуровне эквивалентности, среди которых различаются гипонимические, гиперонимические, метонимические, метафорические, синекдохические (лексико-семантические трансформации), а также комплексные (антонимические и конверсивные). Несмотря на то, что большинство подобных преобразований уже было описано в работах других специалистов по переводоведению, данная концепция углубляет понимание их роли в переводческом процессе в результате всестороннего анализа, которому подвергается каждый вид трансформаций.

В числе прагматических аспектов перевода рассматриваются проблемы, связанные с передачей коммуникативной интенции отправителя, установки на получателя и коммуникативной установки переводчика. В основе стратегии переводчика при создании конечного текста лежит выявление при помощи функциональных доминант исходного текста коммуникативной интенции адресанта с тем, чтобы добиться коммуникативного эффекта, соответствующего данной интенции. В качестве доминант могут выступать различные функции – референтная, экспрессивная, конативная, фатическая, металингвистическая, поэтическая. Преобразования текста в процессе перевода с учетом сохранения соответствующей функции и обеспечивают адекватность в передаче коммуникативной интенции отправителя.

К несомненным достоинствам концепции следует отнести положение о том, что такой формант как установка на получателя характеризуется учетом расхождений в восприятии одного и того же текста носителями разных культур, участниками различных коммуникативных ситуаций. Отмечается, что этот фактор влияет на выбор варианта перевода при передаче на ПЯ реалий, аллюзий,

пресуппозиций и импликаций, диалектных особенностей, социальных и индивидуальных речевых характеристик и тональности текста, отражающей ролевые отношения и обстановку, в которой происходит речевой акт. Иными словами, при всей сложности прагматических нюансов, которые должен учитывать переводчик, существует принципиальная возможность решения неразрешимых на первый взгляд переводческих задач.

Теоретические основы науки о переводе создаются усилиями ученых различных направлений. Во второй половине двадцатого столетия был опубликован ряд монографий и других работ, посвященных фундаментальным проблемам переводоведения. Несмотря на то, что труды отечественных и зарубежных лингвистов отличаются многообразием подходов к переводческой проблематике и содержат большое число концепций и различных точек зрения, представляется возможным выделить некоторые общие черты, характеризующие современное состояние науки о переводе. В настоящее время наблюдаются следующие подходы к переводу: *филологический, лингвистический, коммуникативный и социосемиотический* (Ю. Найда).

В центре филологического направления, которое исторически возникло раньше других, находится текст, главным образом, его структура и стилистические особенности. Определение понятий адекватности и эквивалентности при сопоставлении текстов оригинала и перевода основано на филологической интерпретации переводимых текстов, при этом основная проблема состоит в противопоставлении буквального и вольного перевода. Недостаток такого подхода заключается прежде всего в пренебрежении лингвистическими аспектами процесса перевода. Лингвистика текста позволяет решать задачу определения этих фундаментальных

понятий теории перевода намного эффективнее благодаря использованию методов анализа содержания и структуры текста. на разных языках.

При лингвистическом подходе в центре внимания оказываются соотношения между двумя языками на лексическом и синтаксическом уровнях (в качестве примера можно привести модель Дж. Кэтфорда). На первый план в исследованиях выступают содержательные, а не формальные отношения между текстами оригинала и перевода. Вместе с тем, этот подход не учитывает в достаточной мере коммуникативную функцию.

Третий подход к переводу, основан на положениях теории коммуникации и акцентирует внимание на участниках, условиях и воздействии коммуникативного процесса, при этом заимствуются ее основные понятия: источник, сообщение, рецептор, обратная связь, процессы кодирования и декодирования и др. Известно, что коммуникативный подход представляет собой один из важнейших принципов современной лингвистики и, соответственно, является неотъемлемой частью лингвистики перевода. Однако ограниченность такого подхода заключается в том, что не принимаются во внимание социальные условия и особенно межличностные отношения между коммуникантами.

Социосемиотический подход к переводу (по мнению Ю. Найды наиболее правильно отражающий современное состояние исследований проблематики переводоведения) предполагает, что значение переводимого текста должно оцениваться с учетом трех главных факторов: знака, референта и интерпретатора. Такой подход включает изучение различий между значениями синонимических знаков, учет пресуппозиции и системы оценок, существующих в языковом коллективе в отношении обозначаемых объектов и др.

(Например, драконы как символ грозной опасности на Западе и символ процветания и удачи на Востоке). При этом особо подчеркивается, что близость соотнесенных значений в оригинале и переводе («изоморфизм» по терминологии Ю. Найды), как правило, относительна, поскольку изменения структуры всегда влекут за собой изменения значений. Вместе с тем, в разных языках существуют функциональные универсалии, на основе которых представляется возможным достижение эквивалентности. Таким образом, исследования в рамках такого подхода сконцентрированы на социальных аспектах и взаимодействии различных знаковых систем в реальных актах вербальной коммуникации.

Фактически все указанные подходы оказываются лингвистическими с позиций современного языкознания, изучающего не только систему языка, но и все аспекты речевой коммуникации. Для расширения и систематизации существующих представлений о закономерностях перевода требуются данные психодингвистики, культурологии, теории дискурса, теории социальной коммуникации, исследований по искусственному интеллекту. Собственно к области макролингвистики относится весь комплекс проблем, связанных с воздействием на процесс перевода особенностей языка, культуры и мышления человека. Эти основные направления переводческих исследований не исключают, а дополняют друг друга, поскольку, таким образом, создают предпосылки для всестороннего изучения переводческой деятельности с учетом достижений современного языкознания.

В заключении следует отметить, что **перевод как особый вид речевой коммуникации** представляет собой «многомерный и многоаспектный процесс, детерминируемый множеством языковых и внеязыковых факторов... В сущностных характеристиках перевода

находит свое отражение тот факт, что перевод – не только речевой акт, но и акт взаимодействия двух культур, при котором изначальная ситуация порождения исходного текста проецируется на вторичную ситуацию переноса этого текста в другой язык и другую культуру. Этим, в частности, объясняется междисциплинарный статус теории перевода, ее тесные связи с контрастивной лингвистикой, социолингвистикой, психолингвистикой и семиотикой» [Швейцер, 2009: 205].

Когнитивная модель и перевод

Теория перевода в определенной степени занимает особое место в системе лингвистических исследований, поскольку, как уже отмечалось ранее, ее объектом являются не элементы языковой системы (фонетика, грамматика, лексика, etc.), язык как таковой, и отнюдь не тот или иной вид речевой деятельности или продукты этой деятельности (высказывание, текст, дискурс). В качестве объекта выступает особый вид опосредованной межъязыковой коммуникации, в осуществлении которой активно участвуют и взаимодействуют практически все уровни языковой системы с учетом парадигматических, синтагматических, семантических, прагматических и др. аспектов, а также иных факторов, которые принято называть «экстралингвистическим контекстом». При этом в особое внимание уделяют исследованию сходств и различий (например, лингвокультурных) взаимодействующих в таком акте коммуникации языков.

Ввиду того, что на протяжении всей своей истории теория перевода вбирала все новые теоретические модели, как лингвистические так и семиотические, не является в этом

отношении исключением и когнитивная модель языка, которая получила широкое признание в последние десятилетия XX века. В рамках этого направления основное внимание в исследованиях сосредоточено на раскрытии механизма понимания высказывания в процессе коммуникации (или дискурса как такового).

С позиций современной науки о переводе именно понимание является необходимой предпосылкой и, более того, инициальной фазой самого процесса перевода в его естественном, т.е. немашинном варианте, а также для интерпретации его последующих фаз. Подобный подход относит проблему понимания к компетенции когнитивной лингвистики, в силу того, что именно когнитивный анализ позволяет определить те уровни и характеристики понимания, которые необходимы и достаточны для прагматически успешной коммуникации, а, следовательно, и для перевода. Применительно к переводческой деятельности, т.е. к переводу, это означает, что даже в условиях дефицита времени (например, как это происходит при синхронном переводе) и при наличии иных неблагоприятных факторов автоматизация стандартных когнитивных процессов и принятия основанных на них решений позволяет переводчику осуществлять столь сложные операции, которые носят когнитивный характер, как смысловая компрессия, обобщение, нейтрализация, описательное выражение смысла воспринятого высказывания, etc.

Вместе с тем, взгляды на когнитивные аспекты перевода и, в частности, на обучение этому виду деятельности, находятся еще в стадии формирования. Особый интерес в этом плане представляют когнитивные аспекты развития стратегий перевода. Следует отметить, что понятие стратегии трактуется современной наукой исключительно широко. Так, например, в рамках когнитивного

подхода Дж. Брунера стратегии рассматриваются в связи с определенным видом психических процессов, а именно, как набор ментальных операций. В трудах Т. Ван Дейка, предложившего когнитивную модель обработки дискурса, приводится описание почти десятка разноуровневых и вследствие этого несопоставимых видов стратегий (например, стратегии ввода темы, стратегии мышления, стратегии понимания, стратегии дискурса, стратегии производства дискурса, etc.). Ю.Н. Караулов и В.В. Петров в предисловии к книге Т. Ван Дейка приводят обобщенное определение стратегии как «общей инструкции для каждой конкретной ситуации интерпретации». А.Д. Швейцер в рамках модели перевода как принятия решения дает психолингвистическое определение переводческой стратегии как программы переводческих действий.

Если рассматривать стратегию как деятельностную категорию или функцию субъекта, то анализ деятельностной стратегии дает возможность описать, как субъект организует свои действия (подбор, иерархию, последовательность выполнения, способы и средства контроля и оценки результата). При этом принято считать, что способ организации деятельности не равнозначен ее реализации, а, значит, стратегия несводима набору действий, которые выполняет субъект. Такой набор может быть организован по-разному в зависимости от конкретной задачи, стоящей перед ним цели. Для того чтобы правильно организовать свою деятельность переводчику необходимы определенные навыки и коммуникативные умения, а именно – ориентироваться в условиях общения, правильно спланировать свою речь, найти адекватные средства передачи мысли и обеспечить обратную связь (по А.А. Леонтьеву).

На практике действия переводчика нередко приводят к неадекватному выбору способов и средств достижения конечной цели перевода - созданию полноправного репрезентанта текста оригинала в ином языке и культуре (например, копированию порядка изложения информации в тексте на ИЯ, синтаксическим и лексическим калькам и т.д.).

В литературе по теории перевода немало внимания уделено проблемам, связанным с так называемыми «ложными друзьями переводчика», когда в одной из культур соответствующий класс объектов имеет наименование, по форме напоминающее название совершенно иного класса в другой культуре. При этом отмечается как полное, так и частичное несовпадение объектов, обозначаемых сходными формами: *lunatic* - «сумасшедший», а не «лунатик»; *aspirant* - «претендент», а не «аспирант»; *composer* - «наборщик», а не «композитор»; *decade* - «десятилетие», а не «декада»; *accurate* - «точный», а не «аккуратный»; *sympathy* - «сочувствие», а не «симпатия». Соответственно *limit of accuracy* будет переводиться как «предел точности», а *limit of elasticity* - как «предел упругости», но не «эластичности».

Переводческая компетенция определяется различными факторами, например, знанием реалий или умением преодолеть затруднения при передаче так называемых слов широкой семантики и т.д. Так, необходимо просто знать, что *small talk* - не «краткая беседа», а «светский разговор»; *cottage cheese* - творог, а не «домашний сыр», «липовое поручение» не имеет ничего общего с липой (*lime-tree*) и называется *straw bail* - «соломенное»; выражение «ободрать кого-либо как линку» переводится *to fleece, to clean smb. out*, etc. В свою очередь, перевод ЛЕ широкой семантики возможен только с опорой на контекст. Необходимо

иметь своего рода «дежурные» эквиваленты таких слов в ПЯ, которые передают их наиболее часто встречающиеся значения:

pattern - закономерность, форма, структура;

challenge - задача, проблема, трудность;

routine - регулярный;

habitat - местообитания, среда;

marginal - нерентабельный, минимальный;

phylosophy - принципы, подход;

history - развитие;

meaningful - убедительный, эффективный,

конструктивный..

Особый статус слов широкой семантики в частной теории перевода с английского языка на русский обычно обсуждают в связи с приемами конкретизации и генерализации. Так рассуждая о лексических особенностях современного английского языка и о лексических трудностях, возникающих в процессе перевода, следует обратиться к его общей типологической характеристике. Далеко отойдя от исходного флективного типа, английский язык на современном этапе своего развития демонстрирует наиболее продвинутый аналитический тип среди других индоевропейских языков, которые также в той или иной степени приобрели черты аналитического строя. Это феномен объясняется тем фактом, что в английском языке наиболее последовательно реализован принцип раздельности выражения лексических и грамматических значений.

Вышеуказанная тенденция определила основные морфологические и, как следствие, синтаксические особенности английского языка - неизменяемость слова и фиксированный порядок слов в предложении. Безусловно, столь значительное изменение грамматического строя отразилось и на специфике

лексического значения. Несомненно, именно эта подсистема языка (лексическая) наиболее «подвижна», и именно в ней следует искать указание на дальнейшие пути развития языка, т.е. реализацию в нем основной типологической тенденции исторического развития - принципа отдельного выражения лексических и грамматических значений. Иными словами, ученые считают, что развитие английского языка по пути аналитизма продолжается путем перераспределения нагрузки на лексическую систему.

Общеизвестно, что в английском языке давно и целенаправленно идет процесс вытеснения словами с общим, недифференцированным, значением слов, значения которых включают большое число дифференциальных семантических признаков. В первую очередь это характерно для глаголов и существительных -лексико-грамматических классов слов, частично сохранивших словоизменение. Именно в этих классах развилось лексико-структурное замещение, которое в качестве компенсационного механизма частичного сохранения словоизменения, дало возможность иным способом добиться отдельности выражения лексического и грамматического в слове - путем отделения уже лексического в слове от грамматического за счет использования лексически «пустых» слов-заместителей *do* и *one* для выражения на их основе остаточных морфологических показателей глагола и существительного.

Слов-заместители во многом структурировали словарный состав языка, создав особый тип парадигматических отношений - субституцию. Это и предопределило тенденцию в современном английском языке использовать преимущественно слова широкой семантики, «пустые» с точки зрения лексического содержания. Следует отметить, что английское слово вообще часто

воспринимается как семантически более размытое, чем слово в русском или другом флективном языке.

Развитие в английском языке конверсии, а также легкость окказиональной конверсии демонстрирует «автономность» лексического и грамматического значений в английском слове. Синтаксическая транспозиция слов в новое окружение сопровождается одновременно и свободой образования лексических значений и свидетельствует о том, что при перенесении в новое окружение используется «семантический стержень» слова, на основе которого образуется новое лексическое значение. Объясняет это тот факт, что в основе их значений лежит один и тот же концепт.

Именно эта особенность английского языка, принципиальная возможность замены слова более узкой семантики на слово более широкой семантики, привела к той кажущейся семантической «простоте», «конкретности» английского языка. Показателен в этом отношении пример, где в функции замещения более узкого по значению глагола встречается другой глагол широкой семантики - *give*, также втянутый в процесс десемантизации в составе «фразовых глаголов»:

Palestinian girl given bomb victims kidney

A Palestinian girl aged seven has been given a kidney and with it a new life from Yoni Jesner, a Scottish student in a Hamas suicide bombing last week...

(The Independent, Monday 23, September 2002)

Замещая глагол *transplant*, используемый в тексте *give* демонстрирует тесную семантическую зависимость значения глагола от контекста предложения. Таким образом, глагольная

субституция имела проекцию в область лексической сочетаемости, что повлекло за собой активизацию процесса «семантического синтеза» на уровне предложения.

В некоторых случаях простые и частотные глаголы, в то же время используемые и в грамматических целях, вытесняют более семантически дифференцированные и длинные:

He denounced Bush's tax cuts as "unfair, unaffordable and unquestionably ineffective in growing our economy".

(International Herald Tribune, Tuesday, December 10 2002)

В данном примере, замещая глагол *develop, to grow* становится переходным – *to grow an economy*.

Помимо лексического «ослабления» глагола в личной форме – предпочтительного использования глаголов широкой семантики – в английском языке наблюдается параллельная тенденция употребления существительных широкой семантики. Интересно отметить, что у существительных широкие варианты значения появились преимущественно вследствие их использования в качестве слов-заместителей.

Среди регулярных субститутов помимо формы *one* можно выделить такие, как *affair, matter, occasion, business, stuff, thing, fact, subject, job, case, etc.* Каждое из указанных слов реализует значение субстантивности, обладает предельной широтой значения и включает в свой семантический состав значения «вещь», «дело». Любое существительное данной группы может быть заменено на наиболее частотное с точки зрения узуса *thing*. Помимо заместителей функции для существительных широкой семантики характерна также роль структурных опорных элементов

предложения. В составном именном сказуемом давно наблюдается тенденция к использованию существительных (часто обобщающей семантики) в качестве предикатива:

The flat was a four-room affair.

Случаи употребления существительных широкой семантики могут характеризоваться большей или меньшей степенью зависимости от широкого контекста в плане нейтрализации их синсемантии. Интересен в этом отношении случай использования слова *thing* в заглавии газетной статьи:

“The vision thing”

...But the new chairman needs to have a clear vision of what the BBC is for, where it is going and why it is unique. He needs to be able to articulate that vision and to reach hard choices about those areas of current scheduling from which the BBC might reasonably decide to retreat...

(The Guardian, Monday September 17, 2001)

Возможны различные варианты данного словосочетания, однако слово выступает здесь не в качестве простого структурного придатка, а как ЛЕ, восполняющая свою семантическую недостаточность за счет микро- и макроконтраста.

Ученые-лингвисты отмечают, что «широкозначность» как особое устройство семантической (концептуальной) структуры слова в отличие от широкозначности как факта констатации большого семантического диапазона слова, обычно проявляется при сравнении со словарями языков (английский/русский. например). Таким образом, в практической деятельности переводчик обязан учитывать эту важную типологическую черту, характерную особенность лексической системы английского языка в связи с тем,

что это теснейшим образом связано с взаимодействием смыслов в дискурсе.

**Выбор и употребление лексических единиц в аспекте
социальной дифференциации
(переводческий аспект)**

«При определении ограничений на употребление безэквивалентных и фоновых лексических единиц следует учитывать факторы двух порядков: содержательного и функционального. Выбор и употребление определяются, с одной стороны, спецификой межъязыковой и межвариантной прагматической маркированности содержания таких единиц, с другой - спецификой социального взаимодействия коммуникантов в различных типах коммуникативно-прагматической ситуации.

К основным параметрам такой ситуации, вслед за Э.С.Азнауровой (1988), следует относить обстановку и место коммуникативного акта, предмет и цель коммуникации, ролевые отношения между коммуникантами. Особо следует отметить тот факт, что во многом данные параметры совпадают с универсальными чертами прагматического контекста, предложенного Дж. Лайонза (*Lyons, 1977*), в которые он включает, в отличие от коммуникативно-прагматической ситуации Азнауровой Э.С., прежде всего лингвистические параметры.

Человеческий фактор, как отмечалось ранее, является центральным понятием функционального языкознания и требует учета всех характеристик личности. “У каждого жителя страны, по крайней мере, есть десять характеров: профессиональный, национальный, государственный, классовый, географический,

половой, осознанный, неосознанный и еще, может быть, частный, он соединяет их в себе” (Музиль, 1984, 58).

При проведении коммуникативно-прагматического анализа безэквивалентной и фоновой лексики испанского и английского языков целесообразно, на наш взгляд, использовать модель социальной дифференциации языка У.Лабова (*Labov*, 1966), усовершенствованную впоследствии А.Д.Швейцером (1983).

В основе этой модели, как известно, заложены два вида социальной вариативности: стратификационная (по вертикали) и ситуативная (по горизонтали). Первая включает классовую и слоевую принадлежность, принадлежность к социальным институтам, профессиональным общностям, возраст, пол, образование и др. По линии ситуативной вариативности выделяются: ролевые отношения участников коммуникации (симметричные - асимметричные); тональность ситуации: официальная - нейтральная - неофициальная; обобщенная социальная (речевая) ситуация: наука, образование, религия, общественно-политическая деятельность, массовая коммуникация и др. В аспекте ситуативной вариативности можно также учитывать намерение говорящего (например, дать ту или иную оценку) как составную и определяющую части цели коммуникации.

В этой связи важным фактором выявления ограничений является определение статуса коммуникантов, который относится к понятийному ряду, связанному со стратификационной вариативностью языка. В соответствии с этим видом вариативности учитываются такие специфические черты личности, как возраст, пол, образование, этнический тип и т.д. Под статусом следует понимать комплекс постоянных социальных и социально-демографических признаков, характеризующих индивида: “при

выборе той или иной единицы из ряда денотативно- или десигнативно-равнозначных средств выражения вступают в действие такие параметры, как социальный статус говорящего, его позиция в ролевой структуре общения, его отношение к предмету и адресату речи (социальные установки)” (Швейцер, 1983, 204).

В зависимости от ролевых отношений партнеров по коммуникации все ситуации общения принято подразделять на симметричные и асимметричные. В симметричных ситуациях коммуниканты характеризуются одинаковыми параметрами (приблизительно равное социальное положение, примерно одинаковый возраст, тот же пол). Особое значение имеет принадлежность коммуникантов к одной лингво-культурной общности. Для таких ситуаций, в которых общение происходит в рамках конкретного национального варианта английского или испанского языка, характерно использование в речи большого количества национально маркированных безэквивалентных и фоновых ЛЕ. В асимметричных ситуациях речь партнеров по коммуникации более эксплицитна, в ней больше слов общеанглийского или общеиспанского происхождения, меньше национально маркированной лексики. Это положение подтверждается следующими наблюдениями ученых: “ чем официальнее отношения, тем выше степень эксплицитности, и, соответственно, чем интимнее отношения, тем менее эксплицитна речь каждого из участников общения, тем ярче проявляются тенденции к употреблению в речи эмоционально окрашенных, в том числе и разговорных слов” (Крысин, 1976).

Так, слово *mafia* расширило свое значение и используется для обозначения «любого секретного сообщества, замкнутого круга, клана» (ср.: *literary mafia*). ЛЕ charisma (*strong personal appeal*)

сильная притягательная личная сила, магнетизм утратило в структуре словозначения сему «отношение к религии» (ср. с исходным значением: a gift bestowed by God on select individuals), т.о. слово стало обозначать большее число референтов. Среди наиболее употребительных новых значений уже существующих слов в современном английском языке следует отметить go-go динамичный, современный; bummer разочарование, досада, неприятность; funky приятный, отличный; banana особенно в выражении to go to bananas сходить с ума; flaky эксцентричный и т.д. Последние три лексические единицы ограничены в употреблении американским вариантом, ситуациями неформального общения, когда коммуниканты находятся в равных социальных и возрастных отношениях.

Чрезвычайно популярен в американском неформальном общении префикс *mega-*, который употребляется как усилительная частица. Этот префикс активно используется последние годы в лексиконе подростков. Например, для выражения высшей оценки события, явления, человека : *megadual (totally awesome)*, т.е. нечто чрезвычайно хорошее. *-Dual* в данном случае имеет значение «в два раза лучше».

В симметричных ситуациях употребление безэквивалентных ЛЕ зависит от тональности ситуации - при официальном общении их меньше, и, наоборот, количество используемых лексических единиц такого типа возрастает при неофициальном общении. Рамками ситуаций неформального общения локально маркировано американским вариантом и ограничено возрастным параметром (употребляется среди молодежи) слово to bliss out испытывать блаженное состояние. То же самое можно отнести и к to belly-up, упасть, умереть; to pig-out грубо поглощать пищу.

Слово “*freak*” в значении “an addict of anything, a devotee or enthusiast” широко используется в качестве полуаффикса в таких ЛЕ, как *music-freak*, *word-freak*, *radio-freak*, *jesus-freak* и т.д., свидетельствует об увлечении человека и предписывает его употребление среди молодежи в неформальной ситуации.

Как правило, оба вида вариативности тесно связаны между собой, их параметры взаимообусловлены и действуют в комплексе. Ограничения на выбор и употребление БЭЛ и ФЛ, в зависимости от вышеуказанных факторов и межвариантной специфики английского или испанского языка, можно представить следующим образом.

Параметр **классовая принадлежность**, в целом, отражает фоновый мир ценностей. Так, одно и то же слово может иметь различные оценки как в рамках одной, так и нескольких лингвокультурных испаноязычных общностей. Речь идет об амбивалентных единицах, оценка которых будет различна в зависимости от принадлежности к определенной национально-культурной общности и позиции коммуникантов.

Например, с позиции адресанта, находящегося “вне” определенной группы (класса), слово может иметь отрицательную оценку, а с позиции адресата, находящегося “внутри” этой группы, безэквивалентная или фоновая ЛЕ будет маркирована либо положительными, либо нейтральными коннотациями. При этом важным фактором является территориальный признак.

Так, у фоновых ЛЕ “*rebelde*” “*insurgente*” знак оценки меняется в зависимости от классовой принадлежности адресанта и адресата, а также конкретной страны или региона, иначе говоря, они ограничены по линии стратификационной вариативности территориальным параметром.

“*Rebelde*”, “*insurgente*” имеют амбивалентную оценку (“+”или “-”) в таких странах, как Эквадор, Перу, Боливия, Уругвай, Чили, Венесуэла, Колумбия.

В данном случае прагматически релевантными являются сведения, связанные со спецификой социального устройства общества, с историей определенных стран. Так, “*insurgente*” в Мексике, на Кубе, Сальвадоре, Никарагуа обладает только положительной оценкой, в Чили, Уругвае, Колумбии - только отрицательной, в Испании эти слова амбивалентны. В свою очередь, “*rebelde*” на Кубе, Сальвадоре, Никарагуа имеют положительную коннотацию, в то время как в Мексике, Уругвае, Колумбии - только отрицательную, в Испании - оно нейтрально.

Безэквивалентные и фоновые ЛЕ “*tomios*” = *reaccionarios* (Chile); “*barbudos*” = *revolucionarios* (Cub.); “*escoria, gusanera, gusanos*” = *contrarrevolucionarios* (Cub.), как правило, употребляются в симметричных по принадлежности к определенной лингво-культурной общности и классу качественных ситуациях, отражающих классовую и политическую принадлежность. В асимметричных ситуациях незнание прагматической информации подобного рода может привести к их неадекватной интерпретации и употреблению, в некоторых случаях, к нарушению коммуникации. Например: “*gusano*” = *contrarrevolucionario* (Cub.), “*gusano*” = *grosero* (Col.)» [Быкова, 1997]

В современном английском языке следует отметить наличие большого количества ЛЕ, номинирующих представителей различных слоев общества. В конце XX столетия появилась безэквивалентная ЛЕ “*belonger*”, именующая *представителя большой социальной группы среднего класса, приверженца консервативных взглядов, заинтересованного в материальном*

комфорте и стабильности. Помимо этого термина существуют и другие: “*yuppie*” (young urban professional people), “*yumpie*” (young upwardly mobile professional people), обозначающие молодых преуспевающих амбициозных городских жителей, занятых в сфере рекламы и торговли. Ср.:

A generation focused on careers, condos and the latest cuisines. Yuppies are providing they can have it all; they've reclaimed the old neighbourhoods, climbed the corporate ladders and built perfect bodies.

По аналогии с “*yuppies*” образованы слова “*muppie*” (middle-aged urban professional people); “*gruppie*” (grown-up urban professional people); “*gruppie green + yuppie*” (ecologically-minded yuppie); “*rumpie*” (rural upwardly mobile people); в некоторых публикациях можно встретить также и “*bluppie*” (black urban professional people). Следует особо отметить, что все ЛЕ, образованные по данной модели, отмечены иронической коннотацией, которая усиливается за счет суффикса *-ie*, их употребление в определенной степени ограничено представителями среднего класса. ЛЕ “*belonger*” отличается от вышеперечисленных номинаций по следующим параметрам: она охватывает различные возрастные группы, представители этого страта в отличие от “*yumpies*” лишены авантюризма, их язык нарочито консервативен. (Ср.: отличия лексики представителей высшего класса от лексики представителей нижестоящих классов и слоев в Англии: England vs Britain; vegetables vs greens; sick vs ill; lavatory vs toilet; scent vs perfume.)

Как правило, слова данной группы (*gumpie, rumpie, grum-py, blupie, etc.*) используются в ситуациях качественного, т.е. характеризующего типа, их выбор со стороны участников коммуникативного акта мотивирован - создание определенной

тональности в ситуации, выражение иронии или насмешки по отношению к адресату). Ср.:

The ultimate Yumpie status symbol is to have a child suffering flash-card burn-out.

Ограничены по социальному параметру слова “*fast-food*”, “*convenience-food*”, “*junk-food*”, которыми принято обозначать еду быстрого приготовления. Прагматически релевантными в данном случае являются фоновые знания, связанные с традициями и бытом лингвокультурного сообщества. Так, “*fast-food*” соотносится с кафе американских фирм McDonalds. “*Convenience-food*”, “*junk-food*” актуализируют одинаковое денотативное значение - консервированные продукты питания (концентраты), не требующие длительного приготовления дома. Вместе с тем, ЛЕ “*junk-food*” ассоциируется с пищевыми суррогатами. Эта информация носит имплицитный характер, существует в языковом сознании носителей языка. Использование этого слова в коммуникативном акте создает определенный прагматический эффект и кодирует такой параметр ситуации общения, как намерение говорящего, в данном случае, выразить пренебрежительное отношение к человеку, который употребляет консервированную пищу, т.е. стоит на более низкой, по сравнению, с говорящим, ступени социальной лестницы. Неадекватное употребление слов, подобных “*junk-food*”, может приводить к прагматическим аномалиям, вызывать реакцию, противоположную ожидаемой. Например, словосочетание *Sears-Roe-buck* от названия американской торговой фирмы *Sears-Roe-buck and Co* связано у носителей языка с представлением о дешевых товарах, отражает фоновый мир ценностей и определяет таким образом статус коммуникантов.

Рамками среднего класса ограничено употребление ЛЕ, начинающихся с буквосочетания Mc, вычлененного из *McDonalds*: *McNews*, *McCinema*, *McLife*, *McTelecast*, etc. Они кодируют информацию «недорогой», «удобный», «стандартизированный».

Статус говорящего, принадлежность к высшему классу, определяет употребление слов “*sharon*” (a lower-class girl of a rather tarty appearance), “*dial-a-meal*” (meal ordered through telephone).

Профессиональный параметр. Активным фактором, конституирующим прагматику слова, является профессиональная дифференциация языка. Существует много сфер, ограничивающих употребление безэквивалентных и фоновых ЛЕ по профессиональному параметру, например: “*chambera*” (Mex., Ec.); “*monitor*” (Cub., Arg); “*celador*” (Mex., Urug., Per., Arg.); “*varilarguero=picador*”; “*cuajado*”; “*bailaor*”; “*granaina*”; “*a palo seco*”; “*trilleras*”; “*martinete*” (Esp.); “*cangallero*” (Chil.).

Ср. в английском языке: “*top- of- the-f line*” самый лучший ограничено американским вариантом, в британском употребляется “*top-of-the-market*”. Данные ЛЕ используются в ситуациях неформального общения представителями деловых кругов. Подобное прагматическое ограничение характерно и для таких многокомпонентных слов, как “*ball-park figure*” приблизительные данные и близкого к нему “*back-of-the-envelope*” легко и быстро определяемый, не требующий дополнительных подсчетов. При кажущейся близости значений этих единиц разница между ними вполне ощутима:

A ball-park figure is a rough estimate, explains lexicographer Sol Steinmetz, while a back-of-the-envelope sum is one simply or easily arrived at without the need of a pocket calculator.

Несмотря на то, что данные ЛЕ различаются в семантическом плане, они проявляют общность на прагматическом уровне. При этом подобная общность наблюдается лишь по профессиональному параметру, так как эти два слова прагматически маркированы и ограничены в употреблении *ball-park figure* американским вариантом, *back-of-the-envelope* британским.

Сюда относятся ЛЕ, ограниченные по нескольким параметрам (например, социальному и профессиональному, что соотносится со стратификационной вариативностью языка), например, такие, как “*black theatre*”, “*theatre of cruelty*”, “*theatre of fact*”, “*machine art (a form of art that uses mechanical, electronic, magnetic devices as objects of art)*”. Подобные словосочетания фиксированы в употреблении рамками театральной тематики, искусствоведческих тем, используются в группах специалистов сферы искусства.

Одним из проявлений возросшей профессиональной дифференциации языка явилось возникновение новых суффиксоидных элементов (или таких полуаффиксов, как -intensive, -wide, -friendly, -nomics). Например, *-speak* используется для обозначения языка, характерного для определенной профессиональной группы, жаргона (ср. с широко известным *lingo*): *artspeak*, *government-speak*, *sport-speak*, *med-speak* (*medical jargon*), *education speak*. При этом наблюдается постоянное расширение сферы, которая ограничивает употребление разговорной лексики по профессиональному параметру, например. компьютерная техника: “dp-speak”, жаргон пользователей компьютерами (ср. machinespeak компьютерный язык), видеотехника: video-speak жаргон пользователей видеоаппаратурой; cable-speak жаргон работников кабельного телевидения и т.д. Ср.: “bio-computer” (компьютер, имитирующий нервную систему живых организмов), “thought-

processor ”(компьютер, логически выстраивающий и развивающий идеи), “glitch” (неожиданное нарушение в программе), “brain-box”(компьютер), “telecommuter”(научный консультант, исследователь или любой другой специалист, связывающийся по персональному компьютеру с учреждением), “electronic cottage”(дом такого работника), в которых сама денотативная предопределенность ЛЕ предписывает сферы адекватного употребления и очерчивает круг возможных ситуаций общения.

С точки зрения прагматической вариативности слово “*box*”(a container of rectangular form) представляет значительный интерес, поскольку маркировано по двум параметрам: профессиональному и территориальному. Данная ЛЕ используется как в жаргоне пользователей компьютерами в значении “*an electronic computer*”, так и жаргоне работников медицинской сферы – “*to box*” в значении “*to die*” (He boxed around midnight). Вместе с тем, в британском варианте английского языка это слово обозначает «телевизор»: “*Less box, more books*” (заголовок газетной статьи), тогда как в американском варианте оно имеет значение «портативный магнитофон». В свою очередь телевизор в США в обстановке неформального общения называют “*the tube*” или “*the boob tube*”.

«Другим фактором, определяющим ограничения на выбор и употребление безэквивалентных и фоновых ЛЕ является принадлежность к определенному этническому социуму. В национальных вариантах испанского языка образовался ряд синонимических номинаций для проживающих в США американцев. Помимо общеизвестных “*gringo*” и “*yanqui*” можно привести такие примеры, как “*jorungo*” (*Venezuela*); “*yumas*” (*pl.*) (*Cub.*). Как показал опрос информантов, эти безэквивалентные ЛЕ маркированы отрицательной оценкой. Существуют

синонимичные номинации, употребляемые и по отношению к испанцам: “*gallego*”, характерное для всех национальных вариантов испанского языка, а также “*gaito*”, используемое наряду с “*gallego*” только на Кубе и “*maturranga*” в Перу. В целом, они обладают нейтральной коннотацией, однако в перуанском варианте - по аналогии с “*caballo flaco matungo*” - просматривается оттенок превосходства по отношению к европейцам.

Характерна устойчивая отрицательная коннотация для фоновых ЛЕ “*mandinga*” (Peru), “*galembó*” (Col.), “*chombo*” (C.-R.) - “негр”, основанная, в некоторой степени, на социально-негативном восприятии этой этнической группы населения указанных стран. Положительную оценку имеет “*canela*” (*mulata*) на Кубе, нейтральную “*champurreado*” (*mestizo blanco o de color*)” в Чили. Все они ограничены рамками неформального общения и прагматически маркированы». [Быкова , 1997]

В английском языке имеется синонимический ряд номинаций, обозначающих белого человека и ограниченных в употреблении рамками негритянского населения: “*blue-eyed devil*”, “*whitie*”, “*paddy*”, “*Mr. Charley*”, “*honky*”; среди белого населения в свою очередь существуют номинации чернокожего населения : “*houtie*”, “*Af*”, “*ter*” (derogatory terms for black Africans). Все перечисленные синонимы маркированы отрицательной коннотацией и ограничены рамками ситуаций неофициальной тональности. Рамками коренного населения Америки ограничено употребление ЛЕ “*apple*” (*a derogatory name for an American Indian who is part of or cooperates with the white establishment*).

К числу специфических факторов, предписывающих ограничения в аспекте стратификационной вариативности, относятся **пол, возраст, образование.**

Известно, что дифференциация по **половому признаку** присуща лексике любого языка.

«Характерной чертой испанской безэквивалентной ЛЕ *“macho”* является ее употребление в однотипных ситуациях общения с различными коннотациями. В некоторых случаях производные от *“macho”* слова *“machismo”*, *“machista”* могут звучать презрительно в устах женщины по отношению к мужчине и, наоборот, в качестве положительной оценки среди мужчин. Иначе говоря, налицо амбивалентность, обусловленная параметром пола. В последнее время данная безэквивалентная ЛЕ получила достаточно широкое распространение в различных языках в качестве заимствования с нейтральными или положительными коннотациями» [Быкова, 1997].

В английском языке наблюдается тенденция заменять слово *“man”* словом *“woman”* в контекстах, связанных с женским полом. Под влиянием феминистского движения и для снятия трудностей перевода вместо традиционных *“cameraman”*, *“fireman”*, *“policeman”*, *“mailman”* в 70-е годы появляются *“camera operator”*, *“firefighter”*, *“law-enforcement”*, *“police-officer”*.

В то же время некоторые слова с «женскими» окончаниями заменяются на нейтральные. Так, вместо *“stewardess”*, *“housewife”* в языке появляются *“flight attendant”* и *“home-maker”*. При этом следует отметить, что мужской маркер *“male”* встречается лишь в очень ограниченном количестве слов, а именно, в названиях профессий, традиционно относящихся к женскому полу, например: *“male nurse”*, *“male secretary”*, *“male exotic dancer”*.

Однако, как считает К. Барнхарт и другие лексикографы, вряд ли так называемые «мужские» и «женские» пары *“master/mistress”*, *“hero/heroine”*, *“duke/duchess”* исчезнут из английского языка.

В конце двадцатого столетия в английском языке появилось специальное словосочетание “*gender gap*”, отражающее различия в восприятии мира мужчинами и женщинами. В современной лингвистике в настоящее время активно исследуется проблема дивергенции словесных знаков, в основе которой лежит параметр половой принадлежности.

Так, к амбивалентным ЛЕ следует отнести “*fox*” (исходное значение: *any of various alert carnivorous mammals of the dog family related to but smaller than wolves with shorter legs and long bushy tail*). В английском языке в семантической структуре данного слова уже давно присутствует сема, актуализирующая признак «хитрость» - “*a crafty person*”. Актуализация потенциальной семы «привлечение внимания», которая имплицитруется в основном значении “*fox*” (мех, а также длинный пушистый хвост предполагает привлечение внимания), ограничивает в употреблении данную ЛЕ в значении “*an attractive woman*” рамками мужской компании негритянского населения и подростков. Для большинства женщин данная единица является оскорбительной, характеризуется отрицательной оценкой. Подобные рассуждения относятся и к слову “*bird*” (*an attractive girl or a woman*), кодирующее социальный, возрастной, половой, этнический параметры коммуникантов, их ролевые отношения.

Особый интерес с точки зрения различных параметров стратифицированной вариативности БЭЛ и ФЛ испанского языка представляют формы обращения (Вопросы стратификационной дифференциации и стратификационной прикрепленности различных форм обращений подробно рассматриваются в трудах Н.М. Фирсовой (1984, 1992, 1995 и др.) и других работах ее учеников). В этой связи следует отметить расширение

функциональной семантики таких форм обращения, как “*mi cielo*”; “*mi vida*”; “*mi amor*”; “*cariño*”; “*tesoro*”, etc., которые в ряде стран Латинской Америки вполне нейтральны и типичны по отношению к малознакомому человеку. Вместе с тем они ограничены по социальному параметру и, как правило, их использование маркировано тем или иным национальным вариантом. В качестве примера можно привести следующие формы обращения, характерные для малообразованных слоев общества и употребляющиеся в типизированных ситуациях общения:

“ - *Qué quiere(s), mi cielo?*; “*Díme (dígame), mi amor*”; “ - *¿Quieres que te lo envuelva, cariño?*”; “*Ya voy, tesoro*”; - “*‘Sí, mi vida*”.

На Кубе эти формы обращения наравне с другими (“*compay*”, “*compadre*”, “*socio*”, “*linda*”, “*caramelo*” и “*caballero*”) узуальны во всех слоях общества в неформальных ситуациях общения.

В других странах в неофициальных симметричных ситуациях общения широко используются такие формы обращения, как:

“*che*” - Аргентина ; “*mijita*” - Чили; “*mi reina*”, “*chata*”, “*mamacita*” - Колумбия; “*amorcito lindo*”, “*cosita linda*”, “*cosita rica*”, “*negrita*”, “*cariñito lindo/ cariñito malo*”, “*flaquita*” - Эквадор; “*hermano/mano*”, “*compañero/ compa, compita*” - Никарагуа и др. Обращение “*viejo/vieja, chico/chica*” характерно практически для всех национальных вариантов без ограничения по возрастному параметру.

В английском языке целях выравнивания соотношения между мужским и женским полом происходит замена в титулах в обращениях “*man*” на “*person*”: “*chairperson*”, “*Congressperson*”, “*spokesperson*”, “*Businessmen*” часто заменяют на “*businesspeople*”, даже в церкви вместо “*mankind*” используется нейтральное “*people*”.

Интересно отметить, что ЛЕ “*chairperson*” (заменившая “*chairman*”) вызвала бурную дискуссию в 70-е годы в связи с поисками в академической среде нейтрального с точки зрения рода термина для номинации «заведующего кафедрой», «декана». В настоящее время если речь идет о представителе мужского пола, употребляется “*chairman*”, женского – “*chairperson*”, менее преферентная форма обращения “*chairwoman*”. В американском варианте независимо от пола широко употребляется редуцированная форма “*chair*”.

Интересно отметить, что члены одного и того же профсоюза обращаются друг к другу: “*Brother + last name*” (ср.: “*brother*” *брат*, “*brother + last name*” *монах*). Подобная форма используется в официальной речевой ситуации: “*Brothers, I’d like to congratulate you...*” (обращение к членам профсоюза). Эта же форма употребляется представителями мужского и женского пола среди негритянского населения в качестве обращения к мужчине.

В целом нейтральны и типичны такие формы обращения, как “*love*”, “*(my) dear*”, “*darling*”. Однако они ограничены по социальному параметру рамками малообразованных слоев общества. Подобные формы обращения характерны также для таких ситуаций, как разговор покупателя с продавцом в торговых рядах. Ответы продавца “*Yes, love*” или “*No, love*” выступают в качестве косвенного обращения к незнакомому человеку. Их адекватное употребление требует учета расширения функциональной семантики ЛЕ, которая предписывает адекватный выбор и накладывает ограничения на их употребление в акте коммуникации.

Особое место в этой связи занимает знание необходимых терминов и понятий переводоведения, составляющих профессиональную компетенцию переводчика.

В этом отношении трудно переоценить определения, сформулированные В.Н. Комиссаровым в «Кратком словаре переводческих терминов» [2004:407-415].

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Адаптивное транскодирование – вид языкового посредничества при котором содержание оригинала передается в преобразованной форме, обеспечивающей заданный объем и характер передаваемой информации.

Адаптация - вид адаптивного транскодирования, при котором осуществляется упрощение структуры и содержания оригинала с целью сделать текст на языке перевода доступным для получателя, не обладающего познаниями, которые требуются для полноценного понимания сообщения, содержащегося в оригинале.

Адекватный перевод - перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении **А.П** . – это правильный перевод.

Адекватность перевода - одно из центральных понятий теории перевода, означающее соответствие перевода требованиям и условиям конкретного акта межъязыковой коммуникации.

Адекватный перевод включает определенную степень эквивалентности, однако не всегда эквивалентный перевод может быть признан адекватным.

Соотношение эквивалентности и адекватности в каждом акте перевода определяется выбором переводчиком определенной стратегии на основе ряда факторов, составляющих переводческую ситуацию.

Антонимический перевод - лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением.

Безэквивалентная лексика - лексические единицы ИЯ, не имеющие регулярных (словарных) соответствий в ПЯ.

Безэквивалентные грамматические единицы - грамматические формы и структуры ИЯ, не имеющие однотипных соответствий в ПЯ.

Буквальный перевод - перевод, воспроизводящий коммуникативно нерелевантные элементы оригинала, в результате чего, либо нарушаются нормы и узус ПЯ, либо оказывается искаженным (непереданным) действительное содержание оригинала. **Б.П** по определению неадекватен и допускается лишь в тех случаях, когда поставлена прагматическая сверхзадача воспроизвести в переводе формальные особенности оригинала, например, филологический перевод.

Вариантное соответствие *см.* **Множественное соответствие**

Вольный перевод *см.* **Свободный перевод**

Генерализация - лексико-семантическая замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением.

Грамматическая замена - грамматическая трансформация, при которой грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением.

Двуязычная коммуникация см. **Межъязыковая коммуникация.**

Дословный перевод см. **Синтаксическое уподобление**

Единица несоответствия - элемент содержания оригинала, не переданный или искаженный при переводе, или элемент содержания текста перевода, неправомерно добавленный при переводе.

Единица переводческого процесса - минимальный отрезок текста оригинала, выступающий в качестве отдельной «порции» перевода, в том смысле, что переводчик приступает к переводу каждого такого отрезка после завершения перевода отрезка предыдущего.

Единичное (постоянное) соответствие - наиболее устойчивый (постоянный) способ перевода данной единицы ИЯ, относительно независимый от контекста.

Жанрово-стилистическая классификация переводов – подразделение переводов в зависимости от жанрово-стилистических особенностей оригинала на художественный перевод и информативный перевод и функциональные подвиды перевода.

Жанрово-стилистическая норма перевода - требования которым должен отвечать перевод в зависимости от принадлежности оригинала к определенному функциональному стилю.

Информативный перевод - перевод оригиналов, не принадлежащих к художественной литературе (общественно-

политических, научно-технических, официально-деловых), т.е. текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких –то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии на получателя..

Источник (информации) - создатель (автор) текста оригинала, отправитель сообщения, адресант.

Исходный язык (ИЯ) - язык оригинала, язык с которого делается перевод.

Калькирование - способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей - морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) - их лексическими соответствиями в ПЯ.

Коммуникативная равноценность - способность текста выступать в качестве полноправной замены (в функциональном, содержательном и структурном отношении) другого текста. Коммуникативно-равноценные тексты являются формами существования одного и того же сообщения и объединяются воедино (отождествляются) в процессе коммуникации.

Компенсация - способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством , причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале.

Конвенциональная норма перевода – требования, которым должен отвечать перевод в связи с общепринятыми в данный период взглядами на роль и задачи переводческой деятельности.

Конкретизация - лексико-семантическая замена единицы ИЯ, имеющей более широкое значение, единицей ПЯ с более узким значением.

Контекстуальная замена *см.* **Окказиональное соответствие**

Лексико-семантическая замена - способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ПЯ, значения которых не совпадают со значениями исходных единиц, но могут быть выведены из них с помощью логических преобразований определенного типа.

Лексический контекст - совокупность лексических единиц, в окружении которых используется данная единица текста.

Лингвистика перевода или **лингвистическое переводоведение** - раздел языкознания, изучающий перевод как лингвистическое явление.

Лингвистическая теория перевода - теоретическая часть лингвистики перевода.

Литературное переводоведение – раздел литературоведения, изучающий перевод как вид литературного творчества.

Макроконтекст *см.* **Широкий контекст**

Межъязыковая трансформация *см.* **Переводческая трансформация**

Микроконтекст *см.* **Узкий контекст**

Множественное (вариантное) соответствие - один из регулярных способов перевода данной единицы ИЯ, частично воспроизводящей в ПЯ ее значение.

Норма перевода - совокупность требований, которым должен отвечать перевод.

Норма переводческой речи - требования, которым должен удовлетворять язык перевода.

Норма эквивалентности перевода - требование максимально возможной смысловой близости перевода к оригиналу.

Нулевой перевод - отказ от передачи в переводе значения грамматической единицы ИЯ, вследствие его избыточности.

Общая теория перевода - раздел лингвистической теории перевода, изучающий наиболее общие лингвистические закономерности перевода, *независимо* от особенностей конкретной пары языков, участвующих в процессе перевода, способа осуществления этого процесса и индивидуальных особенностей конкретного акта перевода.

(Положения общей теории перевода распространяются на любые виды перевода любых оригиналов с любого исходного языка на любой другой язык.). Можно сказать, что общая теория перевода занимается изучением переводческих универсалий. Наука о переводе считает универсалиями явления и категории, свойственные всем видам перевода.

Общая теория перевода дает теоретическое обоснование и определяет понятия частных и специальных теорий перевода. *Частные и специальные теории перевода конкретизируют положения* общей теории перевода применительно к отдельным типам и видам перевода.

Объединение предложений при переводе - способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное.

Однотипное соответствие - грамматическое соответствие в ПЯ, имеющее наименование, определение и грамматическое значение, аналогичное замещаемой единице ИЯ.

Окказиональное соответствие (контекстуальная замена)

- нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста.

Описательный перевод см. Экспликация

Официальный (готовый к опубликованию) перевод –

окончательный вариант перевода, представляемый переводчиком в качестве полноценного воспроизведения оригинала.

Перевод - вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста.

Переводоведение – совокупность научных дисциплин, изучающих различные аспекты перевода (прикладные и теоретические). Теоретическое переводоведение включает в себя следующие виды теории перевода: *общая* теория перевода; *частные* теории перевода; *специальные* теории перевода. Общая теория перевода дает теоретическое обоснование и определяет основные понятия частных и специальных теорий перевода. Частные и специальные теории перевода конкретизируют положения общей теории перевода применительно к отдельным типам и видам перевода.

Переводческая (межъязыковая) трансформация - преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода.

Переводческое соответствие - единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ.

Переводящий язык (ПЯ) - язык, на который делается перевод.

Письменный перевод - вид перевода, при котором оригинал и перевод выступают в процессе перевода в виде фиксированных (главным образом, письменных) текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться.

[По **форме презентации** текста перевода и текста оригинала различают: письменный перевод письменного текста – перевод письменного текста, выполненный в письменной форме ; письменный перевод устного текста – перевод устного текста, выполненный в письменной форме]

Постоянное соответствие - наиболее постоянный способ перевода данной единицы ИЯ, относительно независимый от контекста.

Прагматика перевода (прагматический аспект перевода) - влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и обеспечить желаемое воздействие на получателя перевода.

Прагматическая адаптация перевода - изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны конкретного получателя перевода.

Прагматическая норма перевода - требования обеспечения прагматической ценности перевода.

Прагматическая ценность перевода - степень соответствия текста перевода тем задачам, для решения которых был осуществлен процесс перевода.

Прагматический потенциал текста - способность текста оказывать воздействие на получателя, вызывать у него интеллектуальную или эмоциональную реакцию на передаваемое сообщение.

Прием лексических добавлений - использование в переводе дополнительных лексических единиц для передачи имплицитных элементов смысла оригинала.

Прием местоименного повтора - повторное указание в тексте перевода на уже упоминавшийся объект с заменой его имени на соответствующее местоимение.

Прием опущения - отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых нерелеванты или легко восстанавливаются в контексте.

Прием перемещения лексических единиц - использование ближайшего соответствия переводимой единице ИЯ в другом месте высказывания в тексте перевода.

Прием пословного перевода - подстановка ближайших соответствий вместо лексических единиц оригинала при сохранении синтаксических связей между ними в качестве промежуточной стадии в процессе поиска оптимального варианта перевода.

Процесс перевода (собственно перевод) - действия переводчика по созданию текста перевода.

Рабочий перевод - предварительный перевод, эквивалентность которого ограничена лишь передачей на уровне способа описания ситуации предметно-логического содержания оригинала.

Разнотипное соответствие - грамматическое соответствие в ПЯ, не совпадающее с исходной единицей по названию и определению.

Рецептор (информации) - получатель сообщения, слушающий или читающий участник коммуникации.

Свободный (вольный) перевод - перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности чем тот, которого можно достичь при данных условиях переводческого акта.

Синтаксический контекст - синтаксическая структура, в рамках которой употреблено данное слово в тексте.

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) - способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ПЯ с сохранением набора однозначных слов и порядка их расположения в оригинале и переводе.

Синхронный перевод

Ситуативная модель перевода - модель перевода, представляющая процесс перевода как процесс описания при помощи ПЯ той же ситуации, которая описана в оригинале.

Ситуативный (экстралингвистический) контекст - обстановка, время и место, к которым относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает Рецептору правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании.

Ситуация - совокупность идеальных или материальных объектов и связей между ними, описываемых в содержании высказывания.

Смысловая доминанта - наиболее важная часть содержания оригинала, которая должна быть непременно сохранена в переводе и ради сохранения которой могут быть принесены в жертву другие элементы переводимого сообщения.

Смысловое развитие - лексико-семантическая замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы.

Сокращенный перевод - перевод, при котором осуществляется опущение отдельных частей оригинала по моральным, политическим или иным соображениям практического характера.

Сопоставительный анализ перевода - анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала.

Специальная теория перевода - раздел лингвистической теории перевода, изучающий особенности процесса перевода текстов разных типов и жанров, а также влияние на этот процесс речевых форм и условий его осуществления.

Независимо от области знаний перевод текстов, структурированных строго в соответствии с требованиями научного дискурса, характеризующихся насыщенностью терминологией и клишированностью лексики и т.д., связан с единым кругом проблем, совокупность которых и составляет собой теорию специального перевода. (Теория специального перевода обслуживает такие области знаний, как юриспруденция, агрономия, медицина и т.д.)

Способ описания ситуации - часть содержания высказывания, указывающая на признаки ситуации, через которые она отражается в высказывании.

Транскрипция - способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее звуковой формы с помощью букв ПЯ.

Транслитерация - способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее графической формы с помощью букв ПЯ.

Трансформационный перевод - перевод с использованием одной из переводческих трансформаций.

Узкий контекст (микрконтекст) - лингвистический контекст в пределах одного словосочетания или предложения.

Устный перевод - вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной (устной) форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его выполнения.

Различают:

- *последовательный перевод* - после восприятия (прослушивания) определенного отрезка дискурса (текста) в паузах между этими отрезками;

- *односторонний перевод* - последовательный устный перевод, который осуществляется только в одном направлении от отправителя информации к ее получателю, т.е. с данного языка на какой-либо другой язык. Акт перевода направлен в одну сторону от адресанта к адресату;

- *двусторонний перевод* – последовательный устный перевод, при котором в условиях непосредственного контакта разноязычных коммуникантов возможна ситуация беседы, когда коммуниканты обмениваются информацией поочередно выступая в роли адресанта и адресата. Перевод соответственно осуществляется с одного языка на другой и обратно. Несмотря на то, что каждый акт перевода направлен в одну сторону – от отправителя информации к ее получателю, исходный язык постоянно меняется, и от переводчика требуется умение переводить с каждого конкретного языка, которым пользуются коммуниканты, умение быстро переключаться с одного языкового кода на другой;

- *синхронный перевод* (см. определение)

Разновидности по форме презентации текста перевода и текста оригинала:

- *устный перевод устного текста* – перевод устного текста, выполненного в устной форме; *устный перевод письменного текста* – перевод письменного текста, выполненный в устной форме.

Художественный перевод - перевод произведений художественной литературы, т.е. текстов, основная функция которых заключается в художественно-эстетическом воздействии на читателя.

Цель коммуникации - часть содержания текста (высказывания), указывающая на общую речевую функцию текста в акте коммуникации.

Частная теория перевода - раздел лингвистической теории перевода, изучающий лингвистические аспекты перевода с одного данного языка на другой данный язык. Сопоставительное изучение языков наиболее характерно для частной теории перевода. Сопоставление двух языков в переводе, а именно в конкретном виде перевода (например, синхронном, письменном, художественном, специальном) представляет собой основу для соответствующей частной теории перевода.

Черновой перевод - предварительный перевод, эквивалентность которого ограничена лишь передачей на уровне указания на ситуацию предметно-логического содержания оригинала при возможных пропусках и отклонениях от нормы ПЯ.

Членение предложения - способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры в ПЯ.

Широкий контекст (макроконтекст) - лингвистический контекст, выходящий за пределы предложения, в котором употреблена данная языковая единица.

Эквивалентность перевода - одно из центральных понятий теории перевода. **Э.П.** – относительная общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода при отсутствии их тождества.

Зарубежные и отечественные теоретики науки о переводе считают, что *Эквивалентность* охватывает отношения как между отдельными знаками, так и между целыми текстами. *Эквивалентность знаков не означает эквивалентности текстов и, наоборот, эквивалентность текстов отнюдь не подразумевает эквивалентность всех их сегментов.* По определению любой адекватный перевод должен быть эквивалентным, но не всякий эквивалентный перевод признается адекватным, а лишь тот, который отвечает, помимо нормы эквивалентности, и другим нормативным требованиям.

Эквивалентность перевода оригиналу является наиболее *объективным критерием* для характеристики результатов *деятельности* переводчика.

Норма эквивалентности перевода – необходимость достижения возможно большей общности содержания (смысловой близости) оригинала и перевода. Нарушение **Н.Э.** может быть абсолютным, когда текст перевода признается неэквивалентным оригиналу, не передающим содержание хотя бы на самом низком уровне, или относительным, если установлено, что остальные нормативные

требования могли быть выполнены на более высоком уровне эквивалентности, чем тот, который реально достигнут в переводе.

Экспликация (описательный перевод) - лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение этого значения на ПЯ.

Экстралингвистический контекст *см.* **Ситуативный контекст**

Этап переводческого процесса - часть переводческого процесса, характеризующаяся действиями определенного типа, которые выполняет переводчик.

Языковое посредничество - преобразование в процессе межъязыковой коммуникации исходного сообщения в такую языковую форму, которая может быть воспринята Рецептором, не владеющим ИЯ.

СПИСОК
ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966. Изд.4.М.:URSS, 2007.
2. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975.М.: URSS, 2008.
3. *Бархударов Л.С.* Что нужно знать переводчику // Тетради переводчика. М.: Междунар. отношения, 1978. Вып. 15.
4. *Бархударов Л.С.* Контекстуальное значение и перевод// Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1984. Вып. 238.
5. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 281-307.
6. *Беньямин, Вальтер.* Задачи переводчика// Вальтер Беньямин. Маски времени. СПб., 2004, с.27-47.
7. *Брандес М.С.,Провоторов В.И.* Предпереводческий анализ текста. Курск: РОСИ, 1999.
8. *Бюлер, Карл.* Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер с нем. / Общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступит. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: Издательск. группа «Прогресс», 2001.
9. *Быкова И.А.* Когнитивно-прагматические основы межъязыковой межкультурной коммуникации: текст, дискурс, перевод.-М.: Изд-во, 2005.-143 с.
10. *Быкова И.А.* Коммуникативно-прагматический анализ безэквивалентной и фоновой лексики испанского языка (на материале газетно-публицистических текстов). Дис. Канд. филол. наук, М., 1997.
11. *Ванников Ю.В.* Типы научно-технических текстов и их лингвистические особенности. – М.: ВЦП, 1985.
12. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. - М.: Межд. отношения, 1980.
13. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение. М.: Изд-во ИОСО РАО, 2001.
14. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Изд.5, испр. Изд. «Лабиринт». М., 1999.-352 с.

15. *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики //Проблема структурной лингвистики. - М., 1972. - С. 367-395.; (II) Сопоставительная лексикология. - М.: Наука, 1977.; (III) Сравнительная типология французского и русского языков. - Л.: Просвещение, 1989; (IV) Лексическое значение // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С.261-263.
16. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.:Изд-во Моск. ун-та, 2007.
17. *Гумбольдт, Вильгельм фон.* Избранные труды по языкознанию. М., Прогресс, 2001.
18. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. -312 с.
19. *Казакова Т.А.* Художественный перевод. СПб., 2002.
20. *Колианский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. -176 с. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ/ URSS, 2007.
21. *Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. М., 1973.
22. *Комиссаров В.Н.* Теоретические основы методики обучения переводу. М., 1997.
23. *Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. М.: Че РО, 1999.
24. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 1999.
25. *Комиссаров В.Н.* Лингвистическое переводоведение в России. М.:ЭТС. – 2002.
26. *Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. М.:Издательство ЛКИ, 2007.
27. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение.М.: ЭТС, 2004.
28. *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике./Сб. обзоров. –М.:ИЯ РАН, 2000. – С. 8-22
29. *Латышев Л.К.* Технология перевода М.: НВИ-Тезаурус, 2001.
30. *Латышев Л.К., Семенов А.Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания. М., 2003.
31. *Левый Иржи.* Искусство перевода., М., 1974.
32. *Львовская З.Д.* Теоретические проблемы перевода. М.: Наука, 1985.
33. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Как стать переводчиком? М.:Готика, 1999.
34. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. - М.: Воениздат, 1980.
35. *Нотина Е.А.* Межъязыковая опосредованная научная коммуникация. –М.: Изд-во РУДН, 2005 г.

36. *Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю.* Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1963.
37. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: «Р. Валент», 2004.
38. *Робинсон Дуглас.* Как стать переводчиком. Введение в теорию и практику перевода. М., 2005.
39. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М.: Изд. группа «Прогресс», 1977. -695 с.
40. *Телия В.Н.* Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии)// С любовью к языку. М. , 2002.
41. *Тойн А. ван Дейк* Вопросы прагматики текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. М.: 2001, С. 90-167.
42. *Тюленев С.В.* Теория перевода. М., 2004.
43. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; М.:ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. -416 с.
44. *Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. - М.: Высш. шк., 1987. - 256 с.;
45. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. -216 с.
46. *Якобсон Р.* Избранные работы. М.:Прогресс, 1985. – 454 с.
47. *Casagrande J.V.* The Ends of Translation//International Journal of American Linguistics. – Vol. XX, #4, 1954. –P.487-499.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	2- 9
Историческая эволюция взглядов на переводческую деятельность...	10-19
О современном состоянии современного переводоведения.....	19-36
Когнитивная модель и перевод.....	47-55
Выбор и употребление лексических единиц в аспекте социальной дифференциации(переводческий аспект).....	56-71
Краткий словарь переводческих терминов.....	72-86
Список использованной и рекомендуемой литературы.....	87-89